

СИБИРИАДА

ЕВГЕНИЙ
ФЕДОРОВ

Ермак

Сибиряда

Евгений Федоров

Ермак. Том I

«ВЕЧЕ»

1950–1955

Федоров Е. А.

Ермак. Том I / Е. А. Федоров — «ВЕЧЕ», 1950–1955 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-7550-4

XVI век. Казачий атаман Ермак Тимофеевич возглавляет поход за Каменный Пояс, положив начало присоединению и освоению сибирских земель. Столетия о нем слагали легенды и песни, и в наши дни его образ продолжает привлекать внимание многих писателей и художников.

ISBN 978-5-4484-7550-4

© Федоров Е. А., 1950–1955
© ВЕЧЕ, 1950–1955

Содержание

От автора	6
Часть 1. Донская вольница	8
Глава первая	8
1	8
2	12
3	14
4	15
5	17
6	19
7	21
Глава вторая	25
1	25
2	31
3	33
4	36
Глава третья	40
1	40
2	43
3	46
4	51
Глава четвертая	56
1	56
2	58
3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Евгений Александрович Федоров

Ермак. Том I

© Федоров Е.А., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле,
не было таких товарищей.*

Н.В. Гоголь

От автора

Через всю мою жизнь, от раннего детства и до седины, прошел яркий, немеркнувший образ Ермака. В страшные выжистые ночи я малым ребенком сидел на горячей печке, а бабушка Дарья – старуха с добрым лицом и ласковыми глазами – при неверном свете лучины пряла допоздна пряжу и тихим голосом напевала мне былинку об удалом казаке Ермаке Тимофеевиче, величая его родным братом славного русского богатыря Ильи Муромца. От нее, своей милой бабушки, я впервые также слышал легенду-сказку, которой я больше никогда не слышал и не встречал в печати. В этой легенде-сказке отразилось стародавнее народное поверье, что через триста лет Ермак Тимофеевич снова явится на Волгу-матушку, завернет на старый казачий Яик, – и ох, горько тогда станет господам и начальству всякому!

Позднее, отроком, живя в станице Магнитной, я слушал удалецкие песни уральских казаков. Они почти каждый вечер собирались на луговинку, под старый тенистый вяз, который рос подле дедовской хибары. Много песен запомнилось с той поры, но одна из них особенно взволновала меня. Стоя в кругу бородатых станичников, исполин Силантий, высокий могучий казак с широкой, как плита, спиной и такой грудью, что, казалось, на нее набиты обручи, громовым, никогда не слыханным в станице, басом заводил: «Рревела бур-ря, дождь шумел...» Кто теперь не знает в нашей стране этой песни о Ермаке? Такой человек сейчас редкость. В ту пору, в исполнении богатыря Силантия, она потрясла мое юное воображение. И еще сильнее полюбил я эту песню, когда узнал позднее, что написал ее поэт-декабрист Кондратий Рылеев. А еще позднее я убедился, что не случайно моя милая старушка-сказочница помнила о Ермаке. Довелось мне много покружить по Уралу, и, куда ни повернись, многое связано здесь с его именем. До сих пор вы услышите на Урале: Ермаков камень, нависший над Чусовой, Ермакова пещера, Ермаковы хутора на Сылве, Ермаково городище на мысу у Серебрянки, Ермаков перебор на Чусовой, Ермаковка-речка, приток Чусовой, Ермаков родник, Ермакова заводь в устье Вагая, где погиб прославленный полководец. Вот в глухом лесу, на горном перевале, уходящая вдаль просека. Когда и кто повалил тут вековые сосны? Заводские старики на это отвечали: «Ермак здесь прошел. Ермаковы просеки тут по лесам».

Мои деды век провековали на Урале и много рассказывали о Ермаке, сами того не подозревая, что зажигают страсть любознательности в моей душе. В годы Гражданской войны, будучи командиром эскадрона полка имени Степана Разина, в знаменитой чапаевской дивизии, я услышал, как легендарный теперь полководец Василий Иванович в самые трудные минуты боевой страды пел «Ермака». И спустя годы мне довелось увидеть игру народного артиста Бабочкина, увидеть и услышать из уст «Чапаева» эту песню...

Лет тридцать тому назад пришлось мне, вместе с дорожным инженером Василенко – весьма приятным собеседником, объехать по долгу службы весь Урал. Мой спутник так увлек меня рассказами, что оба мы вместе, он в ту пору старей, а я еще молодой инженер, проехали, прошли и проплыли в лодке по ермаковскому пути в Сибирь.

Долго в раздумье я стоял на Искерском холме, на котором когда-то высилось грозное городище сибирского хана Кучума, и глядел на то, как буйное половодье постепенно подмывает этот холм и целые глыбы земли рушатся с плеском в Иртыш. От него осталось уже очень мало. Пройдет полвека, столетие – и на месте Искера забудут Иртыш.

Но вот что самое замечательное: совсем в недавние годы казаки-фронтовики из станицы Федосеевской Подтелковского района Ростовской области, т. В.Н. Галкин и П.И. Усенков, рассказывали, что песня о Ермаке «На речке было на Камышинке» была одной из любимейших песен, с которыми они прошли весь боевой путь от Сталинграда до Берлина...

Прошло без малого четыре века от дней покорения Сибири, а образ Ермака жив, не тускнеет, сердечен и любим всем нашим народом. Почему так случилось? Ермак – смелый, воль-

нолюбивый патриот и отменно храбрый воин, широкая русская натура, богатырь и честный русский человек. Черты эти и сделали его образ близким и дорогим нашему народу.

Много довелось мне слышать о Ермаке, долгие годы рыться в архивах, изучать разные источники, и наконец созрело сильное, непреодолимое желание – показать Ермака таким, каким он живет и сейчас в поэтической душе нашего любознательного человека. Сохранив историческую правду в основе, я передал дополнительно то, что воспитали во мне и в чем убедили меня простые русские люди.

Часть 1. Донская вольница

Глава первая

1

За тульскими засеками, за порубежными рязанскими городками-острожками простиралось безграничное Дикое Поле. На юг до Азовского моря и Каспия, между низовьями Днепра и Волги, от каменных гряд Запорожья и до дебрей прикубанских раскинулись нетронутые рукой человека ковыльные степи. Ни городов, ни сел, ни пашен, – маячат в синем жарком мареве только одинокие высокие курганы да безглавые каменные бабы на них. Кружат над привольем с клетотом орлы, по голубому небу плывут серебристые облака. По равнине гуляет ветер и зеленой волной клонит травы.

В этих пустынных просторах бродили отдельные татарские и ногайские орды, изредка проходили купеческие караваны, пробираясь к торговым городам. А на Дону и при Днепре глубоко пустили крепкий корень казаки. Жили и умирали они среди бесконечных военных тревог, бились с крымскими татарами, турками и всякой поганью, пробиравшейся грабить Русь.

По верхнему Дону, Медведице, Бузулуку и их притокам шумели густые и тенистые леса. Водились в них медведи, волки, лисицы, туры, олени и дикие козы. В прохладных голубых водах рек нерестовали аршинные стерляди, саженные осетры и другая ценная красная рыба.

Сюда, на Дон, на широкое и дикое поле бежали с Руси смелые и мужественные люди. Уходили холопы от жестокого боярина, бежали крестьяне, оставив свои дома и «жеребья» «впусте», убоясь страшных побоев и истязаний, спасаясь от хлебного неурода и голода. Немало было утеклецов с каторги, из острогов, из тюрем, – уносили беглые свои «животы» от пыточного застенка.

Тяжело жилось русским людям при царе Иване Васильевиче Грозном. Не любили бояре, дьяки и приказные правдивого слова. За него простолоудину можно было поплатиться жизнью. Все, кому невыносим стал гнет, кому хотелось воли, где требовались только удалая голова да верность своей клятве. Каждую весну и лето пробиралась бродячая Русь в низовые донские городки и казачьи станицы. Шли на Дон, минуя засеки, острожки, воинские дозоры, пробирались целиной, без дорог, разутые и раздетые, подпираясь дубинами да кольями. Путь-дорога была безопасна только ночью, а днем хоронились от разъездов служилых казаков в лесных трущобах, диких степных балках и водоройнах.

Миновав все преграды, беглые селились вместе с казаками, и так же, как они, крепких домов не строили, землю почти не пахали, хлеба сеяли мало, а больше жили добычей, которую брали в бою у татар и турок. Добывали они себе в лихих схватках, оберегая русские рубежи, и коней, и доброе оружие, и шелка, и камни-самоцветы, и золото. А были и такие, которые шли ради мести на крымского татарина: у того наездники-ордынцы увели в Дикое Поле мать или невесту, у другого убили отца или брата. И они шли выручать пленных, а если не стало их, пролить кровь насильника или, в свою очередь, захватить невольника-ясыря...

В теплую летнюю ночь над Доном у костра сидели четыре станичника, оберегая табуны от ногайских воров. Кругом – непроглядная сине-черная тьма, над головой – густо усыпанное яркими звездами небо. Под кручами текла невидимая река. Со степи тянуло запахом цветущих трав, подувал ветерок. В глубокой тишине уснувшей степи не слышалось ни звука. Но вот, нарушая ночной покой, в черной мгле послышался drobный топот коня.

– Невесть кто скачет! – нахмурился низенький, проворный малый с цыганской бородкой и, схватив ложку, зачерпнул и попробовал ухи. – Ох, братцы, до чего ж вкусна!..

Казачи не слушали его, настожились. Топот все ближе, все чаще.

Широкоплечий высокий казак Полетай вскочил, потянулся, расправил руки. Кулачища у него по пуду.

– И куда прет, нечистая сила! Табун напугает, леший! – Он прислушался. – Нет, не ногаец это скачет, тот змеей проползет; по всему чую, наш расейский торопится..

Только сказал, и в озаренный круг въехал коренастый всадник на резвом коньке. Полетай быстро оценил бегунка: «Огонь! Вынослив, – степных кровей скакун!»

Приезжий соскочил с коня, бросил поводья и подошел к огню.

– Мир на стану! Здорово, соколики! – учтиво поклонился он станичникам.

Черноглазый малый, с серьгой в ухе, схватил сук и по-хозяйски поворошил в костре. Золотыми пчелками взметнулись искры, вспыхнуло пламя и осветило незнакомца с ног до головы.

«Молодец Брязга!» – одобрил догадку товарища Полетай и стал разглядывать незваного гостя. Был тот широкоплеч, коренаст, глаза жгучие, мягкая темная бородка в кольцах. На вид приезжему выходило лет тридцать с небольшим. Держался он независимо, смело.

– Здорово, соколики! – приятным голосом повторил незнакомец.

– Коли ты русский человек и с добром пожаловал, милости просим! – ответили сидящие у костра, все еще удивленные появлением гостя.

– Перекреститься, не лихой человек. Дону кланяюсь! – Незнамец скинул шапку и снова поклонился.

Заметил Полетай, что у прибывшего густые темные кудри. «Ишь, леший, красив мужик!» – похвалил он мысленно и позвал:

– Коли так, садись к вареву, товарищ будешь!

– Спасибо на привет! – ответил гость и сел рядом со станичниками. С минуту помолчали, настожились разглядывая друг друга. Озаренное теплым светом лицо полуночника было приятно, мужественно.

– Из какого же ты царства-государства? – весело спросил его Брязга и прищурил лукавые глаза.

– Из тридцатого царства, от царя Балабона, из деревни «Не переведись горе!» – загадкой ответил гость.

– Издалече прискакал, родимый! – усмехнулся Полетай, оценив умение незнакомца держать тайну про себя.

– Ну а ты откуда? – обратился приезжий к Брязге.

Казак тряхнул серебряной серьгой и отозвался весело:

– А я из-под дуба, из-под вяза, с донского лягушачьего царства!

– Ага! – добродушно улыбнулся гость. – Выходит, это близко отселева. Хорошо! Много недель скакал, а все же достиг вольного края.

– Да кто же ты? – продолжал допрашивать Брязга.

Приезжий весело засмеялся – сверкнули ровные белые зубы.

– Не боярин я и не ярыжка, не вор-ворючий, не целовальник и не бабий охальник! – шутливо отметил он. – Бурлаком жил, «гусаком» в лямке ходил, прошел по волжскому да по камскому бечевникам, все тальники да кусты облазил, в семи водах купался. Довелось и воином быть, врага-супостата насмерть бить, а каких кровей – объявлюсь: под сохой рожен, под телегой повит, под бороной дождем крещен, а помазан помазком со сковороды. Эвось какого я роду-племени!

– Вот видишь, я сразу сгадал! – также шутливо отозвался Брязга. – По речам твоим узнал, что ты по тетке Татьяне наш двоюродный Яков.

– Ага, самая что ни на есть близкая родня вам! – засмеялся гость, а за ним загрохотали казаки.

Только пожилой, диковатого вида казак Степан строго посмотрел на гостя.

– Погоди в родню к станичникам лезть! Не с казаками тебе тягаться, жидок сермяжник! – вызывающе сказал он.

– Э, соколик, сермяжники Русь хлебом кормят, соль у Строганова добывают! – добродушно ответил наезжий. – Эх, казак, не хвались силой прежде времени!

– А я и не хваюсь! – поднимаясь от костра, усмехнулся Степан. – Коли смелым назвался, попробуй нашу силу! – Он вызывающе разглядывал беглого.

Никто не вмешался во внезапно вспыхнувшую перепалку. Интересно было, как поведет себя гость. Степан, обутый в тяжелые подкованные сапоги, в длинной расстегнутой рубахе, надвигался на приезжего. Решительный вид казака не испугал молодца. Он проворно скинул кафтан, бросил пояс с ножом и сказал станичнику:

– Ну что ж, раз так, попытаем казачьего духа!

Степанка орлом налетел на молодца. Наезжий устоял и жилистыми руками проворно облапил противника.

– Поостерегись, казак! – деловито предупредил он.

Брызга вьюном завертелся подле противников. Он загорелся весь и со страстью выкрикивал Степану:

– Левшой напри, левшой! Колыхни-ка круче! Э-эх, проморгал...

Молодец мертвой хваткой прижал Степанку к груди, и не успел тот и охнуть, как лежал уже на земле.

– Во-от это да-а! – в удивлении раскрыл рот Полетай. – Враз положил, а Степанка у нас не последний станичник.

Разглаживая золотистые усы, Полетай обошел вокруг гостя.

– Как звать? – строго спросил он победителя.

– Звали Ермилом, Ермишкой, а на Волге-реке больше кликали Ермаком! – отозвался наезжий и полой рубахи вытер пот.

– Ермак – артельное имя! – одобрил казак. – Ну, сокол, не обижайся, раз так вышло, придется и мне с тобой потягаться за станичную честь.

– Коль обычай таков, попробай! – ровно ответил Ермак.

Брызга бесом вертелся, не мог уgomониться; потирая руки, он подзадоривал бойцов.

– Ты не бойся, не пугайся, Петро, не убьет Ермишка! – подбадривал он Полетая. – Только гляди, не ровен час, полетишь на небо... Эх, сошлись! Эх, схватились!

Казак стал против Ермака, и оба, разглядывая друг друга, примерялись силами.

– Давай, что ли? – сказал Полетай и схватился с противником. Станичник напряг все силы, чтобы с маху грянуть смельчака на землю, но тот, словно клещами, стиснул его и поднял на воздух.

– Клади бережно, чтобы дух часом не вышибить! – со смехом закричал Брызга.

Но Полетай оказался добрым дубком – как ни клонило его к земле, а все на ноги становился.

– Вот эт-та леш-ш-ий! – похвалил Полетая Степанка. – Крепкий казачий корень! Не вывернешь!

– Посмотрим! – отозвался Ермак и, с силой рванув станичника, положил его на спину.

– Ого, вот бесов сын! – пронеслось удивленно меж казаками. – Такой и впрямь гош в товариство.

Побежденный встал, отряхнулся и незлобливо подошел к Ермаку.

– Ну, сокол, давай поцелуемся! Люблю таких! – Он обнял победителя и похвалил: – Ровни меж нами тебе нет.

– Постой, станичники, погоди, если так, – всем скопом на вожжах потягаться! – предложил Брязга.

– Давай! – вмешался до сих пор упорно молчавший казак Дударек, маленький, но жилистый, и хороший наездник. – Любо, братья, потягаться с таким молодцом.

– Любо, ой, любо! – закричали казаки, и Брязга проворно достал ременные вожжи.

– А ну, станичники, действуй! – протянул он концы Ермаку и Полетаю. За казакom уцепились еще трое. Изготовились, крепко уперлись ногами в землю.

– Дружно, братья, дружно! – закричал призывно Дударек. – Не стянуть нас супостату с донской степи, с приволья! – И он затаил широким плавным голосом:

Да вздунай-най ду-на-на, взду-най Дунай!

Ермак перекинул ременные вожжи через плечо и в ответ крикнул:

– Раз, два, зачинай. Тащи, вытаскивай! – Подзадоривая, он изо всех сил натужился. На его загорелом лбу вздулись синие жилки, выступил пот. Минуту-другую ременные вожжи дрожали, как струна. Все притихли.

– Врешь, животов твоих не хватит! – сердито выкрикнул Степанка.

По степи пробежал ветерок, вздул пламя костра, стало светлее. И Полетай заметил, как его ноги, обутые в мягкие кожаные ичиги, медленно-медленно поползли вперед.

– Стой, стой, ты куда же, леший! – заорал Брязга и тоже, вслед за товарищем, заскользил вперед. – Эхх!..

Ермак всем телом навалился на вожжи и рванул с такой силой, что двое, взрывая ногами землю, потянулись за ним, а Дударек и Степанка с гогом упали.

– Оборони, господи, глядите, добрые станичники, экова мерина родила мать!

– Ну, сокол, потешил! Твоя сила взяла! – сконфуженно сказал Полетай. – Сворачивай в нашу станицу: с таким и на татар, и на ногаев, и на турок, и на край света не страшно идти! Айда, садись к тагану, да ложку ему живей, братцы!

И в самом деле, приспела пора хлебать уху: она булькала, кипела в большом чугунном казане и переливалась через край на раскаленные угли.

Ермак расседлал коня, снял и сложил переметные сумы, умылся и уселся в казачий круг.

Влажный и знобкий холодок – предвестник утра – потянул с Дона. Тысячи разнообразных звуков внезапно рождались среди тишины в кустах, камышах, на воде: то утка сонная крикнет, то зверюшка пропищит, то в табуне жеребец заржет, то внезапно треснет полешко в костре и, взметнув к небу искры, снова горит ровным пламенем.

Усердно хлебали уху из общего котла. Брязга поднял голову и внимательно поглядел на семизвездье Большой Медведицы.

– Поди уж за полночь, пора спать! – лениво сказал он, отложив ложку.

– И то пора, – согласился Степанка и предложил Ермаку: – Ты ложись у огнища, а завтра ко мне в курень пожалуй!

Почувствовал Ермак, что станичник поверил ему.

Улеглись у костра, который, как огненный куст, покачиваясь от ветерка, озарял окрестность. Приятно паховало дымком. Ласковым покоем и умиротворением дышала степь. Ермак растянулся на ворохе свежей травы и смотрел в глубину звездного неба. Беспокойные думы постепенно овладели им: «Вот он добрался-таки до вольного края и сейчас лежит среди незнакомых людей. И куда только занесет его судьба? Пустит ли он корни на новом месте, на славном Дону, среди казачества, или его, как сухой быльняк, перекасти-поле, понесет невесть куда, на край света, и сгинет он в злую непогодь?».

Долго лежал он, не смыкая глаз. Над Доном уже заколебался сизый туман, и на землю упала густая роса, когда он, подложив под голову седло, крепко уснул.

2

Утром, на золотой заре, казак Степанка повел гостя в свой курень. Пришлый шел молчаливо, с любопытством поглядывая кругом, за ним брел оседланный послушный конь его с притороченными переметными сумами. Минули осыпавшийся земляной вал, оставили позади ров, вот высокий плетень, а вдали караульная вышка с кровлей из камыша. По скрипучим доскам ходит часовой. По сторонам разбросанные в зелени избенки да землянки, как сурковые норы. Ермак вздохнул и подумал: «Эх, живут легко, просто, не держатся за землю!»

Пересекли густые заросли полыни, а станицы, какой ее желал увидеть Ермак, все не было.

– Где же она? – спросил он.

Казак улыбнулся и обвел рукой кругом:

– Да вот же она – станица Качалинская. Гляди!

Из бурьянов поднимались сизые струйки дымок, доносился глухой гомон.

– В землянухах живем. Для чего дома? Казаку лишь бы добрый конь, острая сабелька да степь широкая, ковыльная, – вот и все!

Степан свернул вправо; в зеленой чаше старых осокорей – калитка, за ней вросшая в землю избушка.

– Вот и курень! – гостеприимно оповестил хозяин.

Ермак поднял глаза: под солнцем, у цветущей яблоньки, стояла девушка, смуглая, тонкая, с горячим румянцем на щеках, и пристально глядела на него. Гость увидел черные знойные глаза, и внезапное волнение овладело им.

– Кто это у тебя: дочь или женка? – пересохшим голосом спросил он казака.

Степан потемнел, скинул баранью шапку, и на лбу у него обозначился глубокий шрам от турецкого ятагана. Показывая на багровый рубец, волнуясь, сказал:

– Из-за нее помечен. В бою добыл ясырку. А кто она – дочь или женка, и сам не знаю. – Много тоски и горечи прозвучало в его голосе.

Ермак сдержанно улыбнулся и спросил:

– Как же ты не знаешь, кто она тебе? Не пойму!

Если бы гость не отошел в сторону и не занялся конем и укладками, то увидел бы, как диковато переглянулись Степан и девка и как станичник заволновался.

Не смея поднять глаза на девку, Ермак спросил ее имя. Стройная, упругой походкой она прошла по избе и не отозвалась, за нее ответил Степан:

– Уляшей звать. Как звали ранее – былшем поросло. Взял двоих: татарку Сулиму и девку. Везла басурманка черноволосую в Кафу, к турецкому паше. Эх, что и говорить...

Гость украдкой взглянул на ясырку. Девушка была хороша. Бронзовая шея, точеная и сама гибка, как лоза, а губы красные и жадные. Опять встретился с нею взглядом и не мог отвести глаз. Сидел, словно оглушенный, и голос Степана доносился до него, как затихающий звон:

– Уходили мы к морю пошарпать татарские да ногайские улусы. Трудный был путь. Кровью мы, станичники, добывали каждый глоток воды в скрытых колодцах, на перепутьях били турок. И вот на берегу, где шумели набегавшие волны да кричали чайки, у камышей настигли янычар – везли Сулейману дар от крымского Гирея. Грудь с грудью бились, порубали янычар, и наших легло немало. Стали дуван дуванить, и выпала мне старая ясырка Сулима да девушка, по обличью цыганка. Суший волчонок, искусала всего, пока на коня посадил... Одинок я был, а тут привез в курень сразу двух. Только Сулима недолго прожила, сгасла, как свеча, и оставила мне сироту – горе мое...

Степан смолк, опустил на грудь заметно поседевшую голову.

– Чем же она тебе в напасть? – спросил Ермак.

– Да взгляни на меня. Кто я? Старик, утекла моя жизнь, как вода на Дону, укатили сивку крутые горы...

Тут Уляша тихо подошла к старому казаку, склонилась к нему на плечо и тонкой смуглой рукой огладила его нечесанные волосы:

– Тату, не сказывай так. Никуда я не уйду от тебя. Жаль, ой жаль тебя! – На глазах ее сверкнули слезы.

«Что за наваждение, никак опять глядит на меня?» – подумал Ермак. И в самом деле, смуглянка не сводила блестящих глаз с приезжего, а сама все теснее прижималась к плечу Степана, разглаживая его вихрастые волосы.

– Добрый ты мой! Тату ты мой, и мати моя, и братику и сестрица, – все ты мне! – ласкала она казака.

Сидел Ермак расслабленный и под ее тайным взором чувствовал себя нехорошо, нечестно...

Оставался он в курене Степана неделю.

Станичник сказал ему:

– Ну, Ермак, бери, коли есть что, идем до атамана! Надо свой курень ладить, а без атамановой воли – не смей!

Гость порылся в переметной суме, добыл заветный узелок и ответил Степану:

– Веди!

Привел его станичник к доброй рубленой избе с высоким крыльцом.

– Атаманов двор? – спросил Ермак и смело шагнул на тесовые ступеньки. Распахнул двери.

В светлой горнице на скамье, крытой ковром, сидел станичный атаман Андрей Бзыга. Толст, пузат, словно турсук, налитый салом. Наглыми глазами он уставился в дружков.

– Кого привел? – хрипло, с одышкой спросил атаман.

– Расейский бедун Дону поклониться прибыл, в станицу захотел попасть, – с поклоном пояснил Степан и взглянул на дружка.

Ермак развязал узелок, вынул кусок алого бархата, развернув, взмахнул им, – красным полымем озарилась горница.

«Хорош бархат! – про себя одобрил Бзыга и перевел взор на прибылого. – Видный, кудрявый и ухваткой взял», – по душе пришелся атаману. Переведя взор на рытый малиновый бархат¹, Бзыга снисходительно сказал Ермаку:

– Что же, позволяю. Строй свой курень на донской земле. А ты, Степка, на майдан его приведи!

Вышли из светлого дома, поугрюмел Ермак. Удивился он толщине и лихоимству Бзыги.

– Ишь, насосался как! Хорошее же на Дону братство! – с насмешкой вымолвил он. На это Степанка хмуро ответил:

– Было братство, да сплыло. И тут от чужого добра жиреть стали богатеи. – Замолчал казак, и оба, притихшие, вернулись в курень...

Напротив, на бугре над самым Доном, Ермак рыл землянку, песни пел, а Уляша не выходила из головы. Совестно было Ермаку перед товарищем. Степанка хоть и мрачный на вид человек, а отнесся к нему душевно, подарил ему кривую синеватую саблю. Казак торжественно поднес ее к губам и поцеловал булат:

– Целуй и ты, сокол, да клянись в верном товаристве! Меч дарю неоценимый, у турка добыл – индийский хорасан. Век не притупится, рубись от сердца, от души, всю силу вкладывай, чтобы сразить супостата!

¹ Рытый бархат – пушистый, пышный бархат.

– Буду верен лыцарству! – пообещал Ермак и, опустив глаза в землю, подумал: «Ах, Уляша, Уляша, зачем ты между нами становишься?»

3

На ранней заре ушел казак ладить свой курень. Ветер приносил со степи, над которой простерлось глубокое, синее, без единого облачка небо, ароматные запахи трав. Парило. Тишина... И только по черному пыльному шляху скрипела мажара, запряженная волами, – старый чубатый казак возвращался с дальней заимки.

В полдень Ермак разогнул спину, воткнул заступ в землю. Внезапно перед ним выросла тонкая, вся дышащая зноем Уляша. Она стояла у куста шиповника и, упершись в бока, улыбалась. Сверкали ее ровные белые зубы, а в глазах полыхало угарное пламя. У Ермака занялось, заняло сердце.

– Ты что, зачем пришла? – пересохшими от волнения губами спросил он.

Блеснули черные молодые глаза. Уляша сильно потянулась и, жмурясь, сказала:

– По тебе соскучилась...

Ермак хрипло засмеялся:

– Почто чудишь надо мной?

– Потянуло сюда...

Она перевела дыхание и тихонько засмеялась.

– И воды студеной принесла тебе, казак. Испей! – Уляша нагнулась к терновнику и подняла отпотевший жбан.

Ермак сгреб обеими руками жбан и большими глотками стал жадно пить. От ледяной воды ломило зубы.

Уляша не сводила пристального взгляда с Ермака. Он напился и опять уставился в ее зовущие глаза. Околдовала его полонянка: казак шагнул к ней и, протянув жилистые руки, схватил девку, прижал к груди. Уляша застонала, затрепетала вся в крепких руках.

– Любый ты мой, желанненький, – зашептала она, – обними крепче, пора моя пришла!

«А Степанка?» – хотел спросить ее Ермак и не спросил – почувствовал, что уже сорвался в пропасть. «Эх, чему быть, того не миновать!» – мелькнуло у него в голове, и он еще крепче обнял гибкое девичье тело.

Каждый день, пока Ермак строил свой немудрый курень, Уляша прибегала к нему, подолгу сидела и все ласково, с жаром, упрашивала:

– Возьми меня, уведи от Степана: засохну я без любви. Самая пора теперь, гляди, какая весна кругом...

И забыл Ермак все на свете, – на седьмой день увел он Уляшу в свой отстроенный курень, в котором на видном месте, в красном углу, повесил подаренную Степаном булатную саблю.

– Вот и дружбе конец! – печально вымолвил он.

Уляша села на скамью, повела черными горячими глазами и сказала:

– Любовь, желанный мой, краше всего на свете...

Она протянула тонкие руки, и Ермак послушно склонился к ней.

Однако Степанко не порушил дружбу. Печальный и горький, он пришел в курень Ермака, поклонился молодым:

– Что поделаешь, – сказал он. – Молодое тянется к молодому. Против этого не поспоришь, казак. Любовь! – Станичник уронил в раздумье голову. – Если крепкая ваша любовь, то и ладно, живите с богом! Вишь вон пора какая! – Он показал на степь, на синие воды Дона: – Весна в разгаре, пришел радостный день...

Весна в самом деле шла веселой хозяйкой по степи, разбрасывая цветень. Ковыль бежал вдаль к горизонту, склоняясь под теплым ветром. Озабоченно хлопотали птицы, а ветлы над рекой радостно шумели мягкой листвой.

Уляша поднялась навстречу Степану, обняла его и поцеловала:

– Спасибо тебе, тату мой родненький, за доброе слово!

На ресницах Степана блеснула слеза: жалко ему было терять полонянку.

– Эх, старость, старость! – сокрушенно вздохнул он. – Кость гнется, волос сивеет... Отшумело, знать, мое дорогое время. Ну, Уляша, твоя жизнь – твоя и дорога! – Он притянул к себе девку и благословил: – На долю, на счастье! Гляди, Ермак, пуще глаза береги ее!

Так и ушел Степанка, унеся с собою печаль и укоры. А Уляша как бы и недовольна осталась мирным расставаньем: не поспорили, не подрались из-за нее казаки. Светла на переносье густые черные брови и, сердито посмотрев вслед Степану, сказала:

– Старый черт! Молиться бы тебе, а не девку миловать...

4

Петро Полетай, бравый казак с русым чубом, дружок Ермака, вышел к станичной избе и, кидая вверх шапку, закричал зазывно:

– Атаманы-молодцы, станичники, послушайте меня. На басурман поохотиться, зипуны добывать! На майдан, товариство!

На крики сошлись станичники, одни кидали вверх шапки, а другие подзадоривали:

– Любо, казаки, любо! Погладить пора путь-дорожку!

– За нами не станет, – весело откликнулся Полетай, – только клич атамана, зови есаула, – от прибылого присягу принимать, да в поход за зипунами!

Станицы не видно, вся потонула в зарослях да в быльнике, а казаков набралось много. Зашумели, загомонили станичники. Ермаку дивно глядеть на бесшабашный и пестро одетый народ: кто в рваном кафтанишке, на ногах скрипят лапти, – совсем расейский сермяжник, – но сам черт ему не сват – так лихо, набекрень, у него заломлена шапка, на поясе чудо-краса черкесская булатная сабля, а за спиной тугой саадак², а кто – в малиновых бархатных кафтанах и татарских сапожках. Толстый станичник с озорными глазами хлопнул казака в лаптях по плечу:

– Пойдем выпьем, друг!

– А на что пить? – ответил лапотник. – Видишь, сапоги целовальнику пошли!

– А мои на что? – засмеялся толстый и притопнул татарским сапожком, густо расшитым серебром. – Гуляй, казак!

Между тем толпа уже кричала, волновалась, и у всех оружие. и турецкие в золотой оправе ружья, и булатные ножи с черенками из рыбьего зуба, и янычарские ятаганы, и пищали, изукрашенные золотой насечкой, и фузеи, – кто что добыл в бою, тем и богат.

Тут был и поп с лисьей острой мордочкой и мочальной бородашкой. Крупный пот выступил на его темном лице и смуглой лысине. Льстивым голоском он лебезил перед казаками:

– Куда, чада, собрались? В кружало надо бы...

Гул повис над площадью. Ермаку все внове, занимательно. Он тронул Полетая за локоть и спросил:

– А попик откуда брался? Не ладаном, а хмельным от него несет.

– Попик наш. Беглый из Расеи. Обличен он в любовном воровстве, чужую попадью с пути-дороги сбил, за то и осудили в монастырь. А сей блудодей соскучился, и в бега... Так до нас и добрел... А нам – что поп, что дьякон, одна бадья дегтю...

² Саадак – лук в чехле и колчан со стрелами.

На крылечке показался атаман Бзыга в бархатном полукафтанье, на боку кривая сабелька. Глаза, хитрые, быстрые, обежали толпу.

– Тихо, атаман будет слово молвить! – прокричал кто-то зычно, и сразу все смолкло.

Атаман с булавой в руке прошел на середину круга, за ним важно выступали есаулы. Бзыга низко поклонился казацкому братству, перекрестился, а за ним степенно поклонились есаулы, сначала самому атаману, а потом народу.

– О чем, казаки-молодцы, задумали? Аль в поход идти, аль дело какое приспело? – густой октавой спросил атаман.

– За зипунами дозвошь нам отбыть! Соскучили мы и оскудели!

– Кто просит? – деловито спросил атаман.

– Полусотня, – смело выступил вперед Полетай.

– Что, казаки, пустим молодцов? Любо ли вам потревожить татаришек?

– Любо, ой, любо! – в один голос отозвались на площади.

– Быть поиску! – рассудил атаман. – А еще что?

Петро вытолкнул вперед Ермака. Смутившийся, неловкий, переваливаясь, он вошел в круг. Атаман внимательно взглянул на прибылого и окликнул:

– Что скажешь, расейский?

– Кланяюсь тихому Дону и доброму товариству, примите в лыцарство! – Ермак низко поклонился казачьему кругу. Стоял он среди вольных людей крепышом, немного сбычив голову. На нем камчатная красная рубаха и широкие татарские шаровары, сапоги сафьяновые, а на поясе сабелька. Взглянул на нее атаман, признал булатную:

– Побратимом со Степаном стал?

– Другом на всю жизнь! – твердо ответил Ермак.

– Добро! – похвалил атаман. – Степанка – казак отменный, храбрый! Как, станичники, решим? Любо ли?

– Любо, любо! Только дорожку гладить ему! – закричали озорные казаки.

Ермак чинно поклонился и неторопливо сказал:

– Бочку меду самого крепкого ставлю.

– Любо, любо!

– Есть ли еще чего? – громко выкрикнул атаман.

– И еще есть, – твердо сказал Ермак и, оборотясь к толпе, глазами нашарил Уляшу, подмигнул ей. Вышла в казачий круг полонянка, как тополь стройная, походкой степенная. На смуглом лице яркий румянец. Глаза светились горячими огнями. Атаман и казаки залюбовались девкой.

– Хороша, орлица! – похвалил атаман. – Ну, кланяйся честному народу да молись богу! Как звать?

Ермак выступил вперед и, возбужденный радостью, объявил:

– Уляшей, Уляницей зовут.

– Хорошее имечко, – одобрил стоявший рядом бородатый станичник. – Пусть молится.

Полонянка растерянно оглянулась и опустила глаза.

– Черкеска или татарка, аль, может, и совсем цыганка, где ей молитвы наши знать! Молись, горячая, своему богу! – закричали в толпе.

Но Уляша и своему богу не умела молиться. Вслед за Ермаком она помахала рукой, делая неуверенно крестное знамение, поклонилась своему будущему хозяину, как учили ее соседки.

Ермак расправил густую бороду и, по казачьему обычаю, накрыв полой Уляшу, сказал:

– Будь же ты моею женой!

Невеста упала жениху в ноги и весело отозвалась:

– Коли так, будь и ты моим желанным мужем!..

На этом все и окончилось. Выкатили бочку пенного меда, и на майдане сильней зашумели казаки. Откуда ни возьмись, вперед протиснулся Брызга, тряхнул серьгой и весело запел, притопывая каблуками:

При долинушке
Вырос куст калинушки.
На этой на калинушке
Сидит соловейко,
Сидит, громко свищет.
Под неволюшкой
Сидит добрый молодец.
Сидит, слезно плачет...

Ермак понял намек: загрустили о нем товарищи-друзья – прилепился к полонянке. Он тряхнул курчавой головой и крикнул:

– Заводи веселую! Товариство николи не забуду! Казаку без драки дня не прожить! Айда-те, молодцы, к бочонку за ковш!..

Стал Ермак станичником и мужем полонянки. Хоть никто их не венчал, но слово перед народом дали, а ему, этому слову, крепость нерушимая.

Хмельной, он вернулся с площади и всю ночь ласкал свою жену, в глаза ей глядел и обнимал до хруста в костях. Равовалась она его великой силе, зарывалась лицом в курчавую бороду и все шептала:

– Милый, желанный мой! Смерть мне слаще разлуки, не покидай меня!

Однако на другой день, лишь только звезды стали гаснуть и месяц побледнел, Ермак покинул брачное ложе и быстро обрядился в путь-дорогу – в свой первый поход. Уляша вышла его провожать и долго держалась за стремя.

– Блюди себя! – сказал ей строго Ермак и погнал коня. Скакун сразу перешел на рысь и скоро вынесся на холм, с которого видны были серебристые излучины Дона, плавно и спокойно несшего свои воды в сине-дымчатую даль. За Доном, среди степных курганов, убегала узкая лента дорожки, по которой скакала наметом казачья станица.

Разбрызгивая сверкающую росу, Ермак нагнал ватажку. К нему подъехал Полетай.

– Что, молодец, хорошо с молодой женой, а еще лучше в привольной степи! – с чувством произнес он. – Нет на белом свете милей и краше нашего Дона! Вон, гляди! – показал он на вспыхнувшие под восходящим солнцем серебристые воды. – Красавец! – Глубоко захватив всей грудью чистый и бодрящий степной воздух, он шумно выдохнул и продолжал: – Каждая русская реченька имеет свою красу! Волга-матушка – глубокая, раздольная и разгульная! Урал – золотое доньшко, серебряны покрывечки. Днепр – быстрый и широкий, а наш Дон Иванович – тихий да золотой! Радостная, дорогая река наша... Эх, молодцы, песню! – закричал он зычно, и казаки, встрепенувшись, запели родную и веселую. Далеко и широко разнесли степные просторы голоса станичников.

5

В степи, за Манычем, на глухом шляху заметили казаки бухарский караван. Куда ни глянь – пустыня, необозримые просторы и по ним, словно в море, одна за другой бегут зеленые волны ковыля. Они набегают из-за окоема и, колыхаясь, торопятся далеко-далеко к горизонту. Станичники притаились за курганом и терпеливо ждали добычу. В легком облаке появилась вереница качающихся на ходу верблюдов. Подле них на добрых конях всадники в остроконечных шапках, с копьями в руках.

Кругом тишина. Степь ласково поит душу покоем и солнцем. Рядом в ковыле, мимо затаившихся казаков, проходит стая дудаков. Они любопытно вытягивают головки и удивленно смотрят на караванщиков. Не верится Ермаку, что сейчас вспыхнет сеча.

На переднем двугорбом верблюде сидит карамбаши³, прямой и осанистый, в зубах у него зажата оправленная в серебро трубка. Гортанный говор все ближе: о чем-то с жестикуляцией спорят чернородые купцы.

Полетай оглядел ватажку и во всю мочь крикнул:

– За мной, братья!

С визгом и криками понеслась станица, охватывая караван, как распластанными крыльями, конной лавой. И сразу словно ветром сдуло всю важность с купецких лиц. Бухарцы в пестрых халатах, в белых чалмах бросились на землю и уткнулись бородами в пыль. Всадники неустрашимо кинулись защищать хозяйское добро. Только один карамбаши, смуглый, со скошенными, длинными глазами и резко очерченным ртом, невозмутимо восседал среди обезумевших людей. Когда Ермак кинулся к нему, он проворно соскочил с верблюда и низко поклонился казаку.

– Стой, не тронь, хозяин! – неожиданно заговорил по-русски карамбаши. – Я веду караван, но не нанимался, однако, защищать купца!

Его одного и взяли в полон; других порубили, а то отпустили – иди, куда понесут ноги!

Казаки возвращались домой с тюками цветистых шелковых тканей, пестрых ковров, везли разные ожерелья, кишмиш и мешки пряностей, от которых огнем горит во рту...

Кони взбежали на холмистую гряду, и вот она, – рукой подать, – станица.

Над Доном длинной седой волной колебался туман, а в степи – прозрачная даль. Влево над станицей вились сизые дымки. Жизнь там только что просыпалась после ночного сна. На караульной вышке шапкой машет часовой. Из-за кургана выплыло ликующее солнце и сразу озолотило степь, дальнюю дубраву и высокие ветлы над станицей.

Казаки сняли шапки и помолились на восток.

– Пошли нам, господа, встречу добрую!

Глядя на дымки станицы, Ермак сладостно подумал: «Среди них есть дымок и моей хозяйки! Знать, хлопочет спозаранку!» – от этой мысли хмелела голова.

А вот и брод, а неподалеку стадо. «Что же это?» – всмотрелся Ермак, и сразу заиграла кровь. На придорожном камне, рядом с пастухом Омелей, бронзовым, морщинистым стариком, Уляша наигрывала на дудке печальную мелодию. Щемящие звуки неслись навстречу ватажке. Заметив Ермака, молодка вскочила, сунула дудку пастуху и прямо через заросли крушины побежала к шляху. На ней синел изношенный сарафанчик, а белые рукава рубахи были перехвачены голубыми лентами. И ни платка, ни повойника, какие положены замужней женщине.

– Здорова, краса-молодуха! – весело закричал Ермак женке.

Уляша подбежала к нему. Яркий румянец заливал ее лицо:

– Ох, и заждалась тебя!..

– Видно, любишь своего казака? – стрельнув лукавым глазом, насмешливо спросил Брязга.

– Ой, и по душе! Ой, и дорог! – засмеялась она и, проворно вскочив на коня, обняла Ермака за плечи.

Петро Полетай оглянулся и захохотал на все Дикое Поле:

– Вот это баба! Огонь женка!

Вошел в курень. Ермак сгрузил разбухшие переметные сумы, вытер полый вспотевшего коня, похлопал его по шее и только тогда обернулся к Уляше:

³ Карамбаши – проводник каравана.

– Ну, радуйся, женка, навез тебе нарядов!

Тесно прижав к себе Уляшу, он ввел ее в избу и остановился пораженный: в избе было пусто, хоть шаром покати. Но не это смутило казака. Заныло сердце оттого, что не заметил он хозяйской руки в избе: ни полки с горшками у печи, ни сундука, ни пестрого тряпья на ложе. Печь не белена. На голых стенах скудные Ермаковы достатки: сбруя, седло старое с уздечкой, меч. В углу, перед иконой Спаса, погасшая лампадка.

Ермак нахмурился. Не того он ждал от жены. Подошел к печи, приложил ладонь: холодна!

– Ты что ж, не топила, так голодная и бродишь? – сурово спросил он.

Уляша, не понимая, подняла на него горящие радостью глаза.

– А зачем хлопотать, когда нет тебя?

– Так! – шумно выдохнул Ермак. – А жить-то как? Где коврига, где ложка, где чашка?

Вместо ответа Уляша бросилась к нему на грудь и начала ласкать и спрашивать:

– А где же наряды, а где же дуван казака?

Ермак потемнел еще больше, но смолчал.

Пришлось втащить тюк и распотрошить его. Глаза Уляши разбежались. Жадно хватала она то одно, то другое и примеряла на себя. Укутавшись пестрой шалью, она любовалась собой и что-то напевала – незнакомое, чужое Ермаку. Нанизала янтарные бусы и смеялась, как ребенок.

– Ай, хороши! Красива я, говори? – тормошила она Ермака.

– Куда уж лучше! – горько сказал он, а с ума не шла досада: «Не хозяйшкa его женка, а полюбовница!» Чтобы сорвать тоску, сердито спросил: – Ты что пела? Это по-каковски?

– Ребенком мать учила. А кто она была – не знаю, не ведаю. – Она отвечала, не глядя на Ермака, была вся поглощена привезенным богатством.

– Ох, наваждение! – тяжело вздохнул казак и уселся на скамью. Угрюмо разглядывал Уляшу. Было в ней что-то легкое, чужое и враждебное ему. «Ей бы плясы да песни петь перед мурзой, а попала в жены казаку. Ну и птаха плясунья!» – думал Ермак.

Не видя его хмурого лица, Уляша и впрямь пустилась в пляс.

«Ровно перед татарским ханом наложница пляшет. Эхх!» – сжал Ермак увесистый кулак. Так и подмывало ударить полонянку по бесстыдному лицу. Но и жалко было! Люба или не любa? Поди разберись в своих чувствах! Он не сдержался, вскочил со скамьи и схватил ее за волосы. Дернуть бы так изо всей силы и кинуть к ногам, растоптать пустельгу! Но, откинув ее голову, он встретился с ее жадно-красными губами и палящими глазами и обмяк.

– Бес с тобой, окаянница! Играй, пляши, лукавая! – бесшабашно махнул он рукой...

Так и повелось. Ермак уходил на охоту бить кабанов в донских камышовых зарослях, пропадал два-три дня в плавнях, а молодка проводила время, как хотела. Только затихал конский топот, она убегала в степное приволье. Там, вместе с казачатами, гоняла верхом табуны или, вместе с пастухом Омелькой, пасла овечьи отары и играла на дудке. Порой приходила на костер к рыбакам и бередила их своими жгучими глазами. Бывало, бросалась в Дон и переплывала с берега на берег. А о доме не помышляла. Был он, как у бобыля, пустым и бесприютным.

Затосковал Ермак. Когда пришел к нему Петро Полетай и заговорил о набеге, он, недолго думая, решил вместе с ним сбегать под Азов – отвести душу. Уляша плакала и, уцепившись за стремя, далеко в степь провожала своего казака. А он, глядя на нее с седла, был и доволен, что уезжает, и тревожился, что оставляет ее одну.

6

Через неделю веселый и бодрый примчал Ермак к своему куреню, и будто разом оборвалось сердце: не вышла, как всегда, Уляша к околице встретить его, не захотела взглянуть ему

весело в глаза и прошептать знакомые, но такие волнующие слова, от которых вся кровь разом загоралась в жилах. Охваченный тревогой, казак соскочил с коня, пустил его ходить на базу, а сам устремился в избенку. Распахнул дверь и... замер от неожиданности.

Прямо перед входом, на широкой кровати лежал, раскинувшись, Степанка, и, положив голову на его жилистую руку, сладко дремала Уляша. Гость открыл глаза и ахнул:

– Ермак!

– Что ты! – открыла глаза Уляша и застыла от страха.

– Так вот вы как! – скрипнул зубами Ермак. – Вот как!

Все молчали, ни у кого не находилось ни слова. Степанка поднялся и стал проворно одеваться. Ермак прислонился к стене и, мрачно блестя глазами, следил за ним. Долго длилось тяжелое молчание. Наконец Уляша легко спрыгнула с ложа и, подбежав к Ермаку, упала на колени:

– Прости...

– Не подходи! – прогремел Ермак и, распахнув дверь, выбежал на баз. За ним легкой тенью устремилась Уляша. Обняла, обвила руками казака:

– Любимый мой, ласковый, прости!..

Ермак остановился:

– Ты что наробила, гулящая?

Уляша бросилась на землю, охватила его колени и, целуя их, говорила:

– Заждалась я... От тоски... Любить крепко буду, только прости!..

Ермак схватил жену за руку, до страшной боли сжал запястье и заглянул в лицо. Она не застонала, смотрела широко раскрытыми глазами в его глаза. Дрогнуло сердце Ермака.

– Ладно, не убью тебя! – проговорил он. – Но уйди, поганая! Ты порушила закон! Уйди из моего куреня!

Ермак оторвал от себя руки Уляши, оттолкнул ее и, не глядя на хмуро стоявшего поодаль Степанку, пошел к коню. Похлопав по крутой шее жеребца, он проворно вскочил в седло и, не оглядываясь, поскакал в степь.

Ермак мчался по степи, по ее широким коврам из ковыля и душистых, медом пахнувших трав и не замечал окружающей его красоты. Сердце его кипело жгучей ревностью, злобой и жалостью. То хотелось вернуться и убить обманщицу, то было жалко Уляшу и тянуло простить и приласкать ее.

Долго кружил Ермак под синим степным небом. Путь пересекали заросли терновника и балки. Подле одной из них, из рытвины внезапно выскочил старый волк с рыжими подпалинами и понесся по раздолью. Конь захрапел, но, огретый крепко плетью, взвился и стрелой рванул по следу зверя. Лохматый и встрепанный серый хищник хитрил, стараясь уйти от погони; он петлял, уходил в сторону, но неумолимый топот становился все ближе и ближе...

Ермак настиг зверя и на полном скаку сильным ударом плети по голове сразил его. Зверина с кровавым пятном, быстро растекшимся по седой шерсти, перекувырнулся и сел. Он сидел, хмуро опустив лобастую голову и оскалив клыки. Глаза его злобно горели.

– Что, ворюга, к табуну пробирался? – закричал Ермак и быстрыми страшными ударами покончил с волком...

Возбуждение Ермака прошло. Угрюмо глянув на зверя, он повернул коня и снова поскакал по степи. Но теперь уже тише было у него на душе, схватка со зверем облегчила его муки.

У высокого кургана, над которым кружили стервятники, Ермак свернул к одинокому деревцу и остановился у ручья, серебряной змейкой скользившего среди зеленой поросли. Расседлав жеребца и стреножив его, казак жадно напился холодной воды, поднялся на бугор и, прислонясь спиной к идолищу – каменной бабе, сел отдохнуть. Над ним синело бездонное небо. Глядя на него, Ермак гадал: «Что-то теперь с Уляшей? Ушла она или дома сидит, плачет и ждет?»

От этих дум снова пришла скорбь к казаку. «Уйдет? Ну что ж, должно быть, так и надо! Дорога казачья трудная, опасная. Не по ней ходить семейному. Эх, Уляша, Уляша, – покачал головой Ермак, – думал – сладкий цветок ты, а ты змеей оказалась, головешкой!»

До вечера он просидел у каменной бабы. А потом – снова на коня. Обрато мчал так, что ветер свистел в ушах. Вот и Дон, а вот и знакомый плес! По степи к броду шумно тянулась овечья отара. Пастух Омеля, одетый в полушубок с вывернутой кверху шерстью, завидя Ермака, обидно крикнул:

– Припоздал, станичник, прогулял свою бабу!

– Что такое? – хрипло, чуя беду, спросил Ермак.

– Утопла твоя Уляша! Утром с яра кинулась, и конец ей...

Ермак пошатнулся в седле и ни слова не сказал в ответ.

– Не слышишь, что ли? Выловили девку из Дона, и Степанка унес ее к себе в курень. Мертва твоя Уляша... Эх ты, заботник!

На третий день всей станицей хоронили жену Ермака. Несли ее казаки в тесовой домовине. Позади всех, опустив голову, тяжелым шагом брел вдовец. И видел он, как рядом с гробом, припадая на посох, плелся сгорбленный и потухший в одночасье Степанка.

Когда комья земли застучали по домовине, станичник примиренно сказал:

– Вот и угомонилась горячая кровинка, доченька моя. Спи тихо во веки веков!

Ермак промолчал. Ушел с могилы суровый и угрюмый.

В эту же ночь он, собрав ватагу самых отчаянных, вместе с Брязгой умчал в степи, пошарпать у ногаев и горе развеять. Станичники, проведав об этом, одобрили:

– Пусть выходится... Хорош и отважен бедун: ему не с бабами ворковать. Ему конь надобен быстрый, меч булатный да вольное поле-полюшко...

7

Давно казаки не видели подобного в степи: с татарской стороны налетело птицы видимо-невидимо, и станичные горластые вороны, которые кормились по казачьим задворкам, завели драку с прилетными. Сказывали понизовые казаки, что и у них подобное случалось в Задонье. И еще тревожное и неладное заметили на дальних выпасах пастухи-табунщики – от Сивашей, от поморской стороны набежало бесчисленно всякого зверя: и остервенелых волков, и легконогих сайгаков, и кабаны острокрылые шли стадами, ломали камыши и рыли влажную землю в дубовых рощах.

Видя суету в Диком Поле, бывалые люди говорили:

– Худо будет! Орда крымская на Русь тронулась. Кормов много, вот и тянет степью на порубежные городки!

А в одно утро мать разудалого казака Богданки Брязги, рослая и сильная станичница, – увидела в донской заводи плавающих лебедей. Как белоснежные легкие струги под парусами, горделивые лебедушки рассекали тихую воду, ныряли, в поисках добычи, а потом поднимали гибкие шеи и перекликались. Никакого дела им не было до людей. Но лишь казачка подошла к воде, они издали гортанный крик и, размахивая розоватыми на солнце крыльями, поднялись ввысь.

– Весточку, видать, приносили! – сокрушенно вздохнула казачка и пожалела, что спугнула лебедей.

Беспокойство в степи между тем нарастало. Тучами снимались птицы, ветер доносил гарь, и на далеком окоеме столбами вилась пыль.

Есаул, заглядывая вверх, предостерегал караульного на вышке:

– Гляди-поглядывай!

– Глаз не спускаю с Поля! – отзывался казак, и впрямь, как сокол, оглядывая просторы.

– Стой, есаул, вижу! – однажды закричал он.

Дозорщик заметил на горизонте быстро движущиеся точки.

– Гляди, скачут! Что птицы, несутся!

– Наши? – спросил есаул и по шаткой стремянке торопливо поднялся на маячок.

Вместе с караульным он стал разглядывать дали. Всадники вымахнули на бугор, и казаки признали своих.

– Слава господу, наши бегут станицей! – облегченно вздохнул есаул.

По тому, как бежали кони, поднимая струйки пыли, и держались всадники, остроглазый часовой в раздумье определил.

– Наши-то наши, но бегут шибко. Знать, беда по следу торопится!

– Чего каркаешь! – сердито перебил есаул и прищурился. Увидел он теперь, что ватажка мчалась во всю лошадиную прыть, точно «на хвосте» у всадников висел сам сатана.

Клубы пыли все гуще, все ближе. Кони скакали бешено и дико – так уносятся они от волка или злого врага.

– Вести несут! – сурово сказал есаул и, не задумываясь, повелел: – Бей в набат!

Частые тревожные удары нарушили застывшую тишину и разбудили станицу.

По куреням, на базах, у кринички, где женки брали воду, пошел зов:

– На майдан! На майдан!

С разных сторон на площадь бежали казаки, на ходу надевая кафтаны и опоясывая сабли. Начались шум, толкотня, перебранки. Лишь старые бывалые казаки, украшенные сабельными рубцами, шли неторопливо, чинно, горделиво держа головы. Они-то наслышались, накричались и повоевали на своем веку! Всякую тревогу и невзгоду перенесли, в семи водах тонули и выплыли, истекали кровью да не умерли, – живуч казачий корень, – и теперь многому могли поучить молодых и ничего не боялись.

На станичную улицу лихо ворвалась ватажка удалых.

– Эй, погляди, среди них татарин! – закричала женка.

– Брысь отсель! – огрызнулся на нее густобородый дед. – Кш... Кш... На майдане – не бабье дело!

Молодка вспыхнула, порывалась на дерзость, но вовремя одумалась: за неуважение к старику могли тут же, на майдане, задрав подол, отхлестать плетью.

«Фу ты, ну ты, старый кочет!» – озорно подумала она и нырнула, как серебристая плотвичка, в самую гущу толпы.

Вот наконец и ватага! Кони взмылены, лица у казаков усталые, пыльные. У иных кровь запеклась. Впереди Петро Полетай, а рядом Ермак. Тут же позади и Богдан Брызга и Дударек. Увидя сына, мать всплакнула:

– Жив, Богдашка! Кровинушка моя...

Среди казаков на чалом ногайском коне сидел молодой татарин, обезоруженный, со скрученными за спину руками.

Ватажка въехала в толпу. Потные кони дышали тяжело, с удил падала желтая пена. Одетые в потертые чекмени, в шапках со шлыками из сукна, удалыцы держались браво. Пробираясь сквозь толпу, они кланялись народу, переключались с родными и знакомыми:

– Честному лыцарству!

– Тихому Дону!

Позвякивали уздечки, поблескивали сабельки, покачивались привешенные к седлам саадаки с луками и стрелами. Лица у ватажников строгие, обветренные. Выбритый досиня гололобый татарин испуганно жался, жалобно скалил острые зубы, а у самого глаза воровские, злые. Его проворно стащили с коня и толкнули в круг. Спешились и казаки. Кони их сами побрели из людской толчеи. Волнение усилилось, хлестнуло круче, людской гомон стал сильнее.

Минута, и все затихло: из станичной избы показались старики. Они несли регалии: белый бунчук, пернач и хоругвь – символы атаманской власти. За седобородыми дедами важно выступали есаулы, а среди них атаман.

Ермак вытянул шею и подивился казачьему кругу. На этот раз с еще большей важностью двигался тучный Бзыга. Пот лился с его толстого обрюзглого лица, слышно было, как дыхание со свистом вырывалось из груди. Атаман задыхался от ожирения. Но как ни пыжился, ни надувался важностью Бзыга, а все же уловил Ермак в его глазах скрытую трусость.

Площадь замерла, и только в голубой выси хлопали крыльями сизые турманы. Такое затишье наступает обычно перед грозой.

– Сказывай, казаки, с чем пожаловали? – громко окрикнул атаман ватажников.

Петро Полетай выступил вперед и чинно поклонился.

– Браты, атаман и все казачество! – чеканя каждое слово, громко сказал он. – Турецкая хмара занялась с моря и Перекопа. Идут великие тысячи: янычары и спаги, а с ними крымская орда. Под конскими копытами земля дрожит-стонет! Идут, окаянные. Дознались мы, рвутся басурманы через донские степи на Астрахань...

– Слышали, станичники? – возвысив голос, спросил атаман. – Слышали, что враг близко?

– Слышали, слышали! – отозвались в толпе.

– А еще что видели? – снова спросил Бзыга.

Петро Полетай поднял голову и продолжал с горечью:

– Видели мы своими очами – горят понизовые станицы. Дети и женки плачут... Вот полоняник скажет, кто сюда жалует!

Сильные руки подхватили татарина и вытолкнули на видное место.

– Сказывай, шакал, кто на Русь идет?

Татарин съежился, как под ударами хлестких бичей. Заговорил быстро и еле внятно.

Переводчик, громоздкий усатый казак, старый рубака, пробывший четверть века в полоне у крымчаков, перехватывал трусливую речь и переводил:

– Просит не убивать.

– А сам с чем шел, не наших ли женок и детей рубить да насильничать. Спрашивай его, бритую образину, о другом! – зашумели вокруг.

Атаман сделал рукой знак. Казаки опять стихли, сдержали страсти, охватившие их сердца. Переводчик спросил пленника и выкрикнул:

– Сказывает, сам Касим-паша с большим войском идет, а с ним Девлет-Гирей спешит с мурзами. Орду ведет. Из Азова плывут турецкие ладьи с пушками и ядрами. Из Кафы янычары добираются. И еще сказывает, трое ден тому назад передовые татарские загоны в четыре поприща⁴ отсель были. Жгли степные заимки, низовые городки...

– Стой, мурло татарское, – перебил полоняника атаман, – говори толком, кто орду ведет: сам ли Девлет-Гирей или сынки его, стервятники подлые! Чем оборужены и что затеяли.

Татарин снова залопотал.

– Беклербег кафийский конников ведет! – оповестил толмач. – А с ним шесть сенжаков. С ордой хан Девлет-Гирей... Идут на Переволоку, а другие через Муджарские степи...

– Слышали, станичники: орда идет, великая гроза занимается! – поднял голос атаман. – Рассудите казаки, тут ли, в куренях, будем отбиваться, аль со всем Доном в Поле уйдем, день и ночь будем врагу не давать покою и роздыху. Как, станичники?

– День и ночь не давать басурманам покоя! – дружно ответили станичники. – Любы твои слова, атаман!

– Этой ночью станица уйдет в донские камыши да овражины, в лесные поросли! С волками жить – по-волчьи выть. В сабли татар и турок! Выжгем все!

⁴ Поприще – расстояние, которое пробегает конь от отдыха до отдыха.

– В сабли! На меч, на острый нож зверюг!

Присудили станичники: темной ночью всем – и старым и малым – укрыться в степных балках, в укромных местах. Пусть достанутся в добычу злему татарину и жадному турку пустые мазанки да быльняк. А уйдет орда, все снова зашумит-заживет.

– Ух ты, жизнь – перекасти-поле! – горько усмехнулся Ермак и вместе с казаками побрел с майдана. Конь его уже был на базу. Хозяин бережливо обтер полый своего кафтана скакуна и покрыл ковром. В мазанку не вошел – вспомнил еще не зажившее. Сгреб под поветью охапку камыша и разостлал под яблонькой.

Мысли набегали одна на другую. За соседним плетнем заголосила молодлица.

«Загулявший казак побил, – подумал Ермак, заворочался и опять вспомнил свое житье. – Набедокурила, лукавая».

Он старался успокоить себя, но не мог: тревожил женский плач. Не вытерпел казак, поднялся и пошел на причитания. На земле, среди полыни, сидела простоволосая женка в одной толстой грязной рубахе, поверх которой накинут дырявый татарский шумпан. Молодая, крепкая, словно орешек, только радоваться, а она слезы льет.

– О чем плачешь, беспутная? – строго спросил женку Ермак.

Она вскинула на станичника удивленные глаза и ничего не ответила.

– Что молчишь? Чья будешь?

– Беглая, за казакom увязалась, а теперь одна, зарубили его! – всхлипывая, отозвалась черноволосая.

– Имя твое как? – смягчаясь сердцем, спросил Ермак.

– Была Зюленбека, а сейчас Марья.

– Выходит, крещеная полонянка?

– Сама с казакom сбегла, увела его из полона.

– Гляди, какая хохотунья! – удивился Ермак и одним махом перелетел через плетень. – Чего же ты ревешь, раз не бита.

– Куда мне идти теперь? Татары придут и меня застегают! – скорбно сказала Зюленбека.

– Не бойся, – взял ее за руку казак. – Не придут сюда бритые головы. А коли придут, кости сложат. Не кручинься, уберегу!

Татарка была красива, хоть и неопрятна. Щеки у нее, что персики, матовые, а глаза – огоньки. Ободрилась она. По смуглому лицу мелькнула радость.

Ермак посоветовал:

– Пока укройся с женками, а там видно будет. Оберегайся!

Женщина смолкла и теплыми глазами проводила Ермака...

Закат погас. Ермак напоил коня, привязал его к кусту неподалеку от себя и растянулся на камышах, подложив под голову седло.

Донскую землю покрыла свежая, ароматная ночь. Холодок пошел с реки. Казак лежал и смотрел в безмятежную глубину неба, по которому плыли золотые пчелки-звезды. А на душе было тревожно. Где-то рядом, на шляху, который скрывался за темным бурьяном, женский жалостливый голос запричитал:

– Ах, родная, что опять будет? Дон наш родимый, ласковый, укрой нас от злой напасти, от лихой беды...

Далеко на окоеме занялось кровавое зарево: должно быть, загорелась дальняя станица...

Глава вторая

1

Росла и наливалась крепостью русская земля. Несмотря на то что царь Иван Васильевич Грозный неудачно воевал на искони русские берега Балтики, русский народ достиг невиданного доселе могущества и силы и далеко раздвинул пределы молодого и стойкого государства. Русские люди встречь солнцу дошли до Каменного Пояса, прочно обосновались на суровых берегах Студеного моря⁵ и плавали на смоленых ладьях на далекий и сказочный Грумант⁶. Грудами костей усеяли они родную землю, но остановили монголов и спасли этим Европу. Не иссякла сила нашего народа. Сломив владычество Орды, он и дальше утверждал свою независимость. Последние царства, образовавшиеся на обломках Золотой Орды, – Казанское и Астраханское, – пали, и Волга стала русской рекой. Наймит польской шляхты Стефан Баторий, с его полками и ландскнехтами, не мог взять Пскова и позорно ушел потому, что стойкость русских людей оказалась крепче стен каменных.

Сила и крепость Русского государства вносили беспокойство в душу турецкого султана Солимана великого. Он считал себя верховным повелителем и защитником мусульман во всей вселенной, и покорение московитами двух магометанских царств на Итиле⁷ страшно встревожило его, и он писал ногайскому мурзе Измаилу с превеликой тревогой:

«В наших магометанских книгах пишется так, что пришли времена русского царя Ивана: рука его над правоверными высока. Уж и мне от него обида великая: Поле все и реки у меня поотнимал, да и Дон от меня отнял, даже и Азов-город доспел, до пустоты поотымал всю волю и Азов. Казаки его с Азова оброк берут и не дают ему пить воды с Дона. Крымскому же хану казаки Ивановы делают обиду великую и какую срамоту нанесли, – пришли Перекоп воевали. Да его же казаки какую еще грубость сделали – Астрахань взяли, и у нас оба берега Волги отняли и ваши улусы воюют. И то вам не срамота ли? Как за себя стать не умеете? Казань ныне тоже воюет. Ведь это все наша вера магометанская; станем же от Ивана обороняться за один... Ты б, Ислам мурза, большую мне дружбу свою показал: помог бы Казани людьми своими и пособил бы моему городу Азову от царя Ивана казаков...»

Сильно был смущен повелитель правоверных Солиман успехами русских. И еще горше становилось у него на сердце от сознания, что Астрахань не только не захирела, но с появлением русских оживилась и стала большим караванным путем на Русь. Со всего Востока сюда наезжали расторопные купцы с товарами – из Шемахи, Дербента, Дагестана, Тюмени, Персии, Хивы, Бухары и Сарайчика – и вели бойкий торг. Струги и ладьи, груженные самыми разнообразными изделиями и тканями, плыли из Астрахани по Волге и расходились по всей Руси, и это еще сильнее связывало берега Каспия со всей русской землей. Солиман признавал торговое значение Астрахани и еще больше злобился на Москву. Была и другая причина душевных волнений султана – ущемленное самолюбие азиатского владыки. Русский царь Иван Васильевич в своем пышном титуле стал именовать себя не только царем Московским и всея Руси, но и Казанским и Астраханским. И, к терзаниям султана, – король польский признал этот титул и поздравил русского царя с победой над неверными.

⁵ Студеное море – так в старину поморы называли Ледовитый океан.

⁶ Грумант – теперешний Шпицберген.

⁷ Так в древнее время называлась Волга.

Турский хункер⁸ был сильно встревожен, но по-прежнему мечтал о захвате Астрахани. А тут в 1563 году из нее бежал князь Ярлыгаш и добрался до Стамбула. Солиман обласкал беглеца, и тот, ободренный султанской милостью, стал расписывать ему заманчивое будущее, которое ждет турок в Астрахани. Ярлыгаш уверял, что все астраханцы якобы только и мечтают о приходе своих единоверцев.

– Великий и всемилостивый царь царей, неизреченная справедливость на земле, как возвеличится твое имя после победы над московитами! А получив Астрахань, можно будет подумать и о Казани! – льстиво уговаривал султана Ярлыгаш.

От заманчивых обещаний у султана вскружилась голова. Он стал бредить великими делами и наконец, по совету первого визиря, решил осуществить поход. «Царь царей» задумал проложить новые военные дороги. Он намеревался вызвать из Европы искусных инженеров и на донской земле, на Переволоке, прорыть канал, открыв водный путь из Азова к Астрахани и Казани.

Однако осторожный и лукавый Солиман рассудил, что в этом деле выгоднее всего будет положиться на своего поручника, хана крымского. Осенью 1563 года султан прислал в Крым своего чауша⁹ и через него повелел хану Девлет-Гирею к весне приготовиться в дальний поход. Наказывал он, чтобы крымчаки приготовили большой запас, откормили коней, запаслись оружием да наготове держали тысячу подвод под большой наряд. Турский хункер обещал хану послать на помощь янычар с царевичами и доставить пушки и ядра.

О повелении Солимана хану дознался московский посол Афанасий Нагой, присланный с поминками¹⁰ в Бахчисарай. Он и написал царю о замыслах врагов: «Пойдут турки с большим нарядом на судах Доном до речки Иловли, на устье Иловли класть им наряд и телеги в малые суда и плыть Иловлю вверх до речки Черепахи, до которой от Иловли будет у них переволока верст с семь, а речкою Черепахою идти вниз до Волги...»

Посол не сидел в безделье, он обещал хану всякие посулы. Умный Нагой хорошо изучил нравы крымских ханов: «Татарин любит того, кто ему больше даст».

Девлет-Гирей отличался жадностью и не прочь был поживиться, но он боялся и другого – попасть в полную зависимость от султана. Крымцы любили легкую наживу: налететь внезапно на порубежные городки, погромить, захватить добычу и скрыться в свои улусы. Поход на Астрахань показался Девлет-Гирею явно сомнительным. Он уже раз испытал на себе силу русских. В 1559 году татары спешили, по обычаю, напасть на русскую землю врасплох, но увы, времена переменялись! На границе Дикого Поля выросли пограничные русские городки с гарнизонами, готовыми встретить врага на перелазах и бродах. Девлет-Гирей с ордой достиг реки Мечи и здесь столкнулся с порубежниками. Хан не дерзнул идти дальше. Гонимый страхом, он повернул в Дикое Поле и поморил в страшной гонке лихих коней и всадников. Князь Воротынский шел за ним по трупам до Оскола и не мог нагнать орду. Тем временем донские казаки быстро собрались и зашли в тыл крымской рати. Близ Перекопа произошла кровавая сеча, от которой нескоро оправились татары. Хан не забыл урока и, восхваляя достоинства Солимана, посылая ему в подарок лучших кречетов, просил чауша доложить султану, что пройти к Астрахани невозможно, а еще труднее удержать ее...

Поход не состоялся. К этому времени царь Иван Грозный прислал крымскому хану двадцать четыре воза поминков. Девлет-Гирей готовился выслушать грозный оклик султана, но, к счастью, Солиман великий неожиданно умер и все временно было забыто.

Смерть «царя царей и повелителя вселенной» была столь неожиданна, что у многих возникла мысль – кто же ускорил его конец? Но как бы то ни было, сын хункера Селим, давно с

⁸ Хункер – турецкий султан.

⁹ Чауш – гонец.

¹⁰ Поминки – подарки.

нетерпением ждавший власти, чтобы упиться радостями жизни, заместил покойного. Подобно отцу, он жаждал прославиться великими делами, чтобы люди почитали его за мудрейшего и самого великолепнейшего повелителя на земле. Молодой хункер придал своему двору невиданную пышность. Его сборщики налогов непрестанно собирали подати. Там, где Солиман брал дважды, сборщики Селима выколачивали четыре раза, порой унося из-под ног правоверного последний пыльный кусок молитвенного войлока. Агенты хункера шныряли по всем восточным базарам и скупали для султанского сераля самых красивых полонянок. Изнеженный, с женоподобным торсом и сластолюбивыми губами, он много времени проводил в своем гареме. Триста жен и наложниц предавались лени и вели свары за обладание вниманием пыльного хункера. Но он делил радости только с избранными, а остальные прелестницы, воспитанные мамками и евнухами, обученные изысканному поведению, содержались лишь для придания блеска султанскому двору. Селим поражал своих подданных невиданными охотами. В те дни, когда они случались, по улицам Стамбула все замирало и люди падали ниц, чтобы не осквернить созерцанием безмятежный лик своего повелителя. Великолепный, одетый в парчу, сияющий драгоценными камнями, он ехал на белоснежном аргамаке, среди блестящей свиты и сопровождаемый огромным обозом, в котором среди ковров и перин нежались любимые наложницы. «Повелитель вселенной» отправлялся в горы, чтобы в погоне за зверем показать свою ловкость и мужество. Визири и паши до этого присылали ко двору медведей, козлов и диких кабанов, которых султанские звероловы тщательно готовили к охотничьему дню. В зверинец хункера свозились орлы-стервятники, львы и леопарды: их доставляли со всех концов турского царства. Больше всего султан предпочитал охоту с ястребами, соколами и кречетами, особенно с той поры, когда разозленный дикий кабан страшным ударом клыков опрокинул султанского аргамака.

После прогулок султан долгие часы проводил в излюбленной им бирюзовой зале. Восседавая на высоко взбитых подушках, обтянутых дорогими шелками нежнейших расцветок, он тянул из кальяна¹¹ и внимательно слушал предсказания астрологов и разных предвещателей. Сотни бездельников с важным видом занимались составлением гороскопов, предсказывали гром и бурю, землетрясения и заговоры, войны и походы. Если многое не сбывалось, то астрологи со смиренным и серьезным видом объясняли это неожиданным вмешательством в дела человеческие еще неведомых светил.

В светлый солнечный день, когда парк загородного дворца был напоен весенними благоуханиями, к султану на прием прибыли послы Бухары и Хивы. Великий визирь заранее подготовил хункера к их просьбам, но, не посоветовавшись со звездочетами, Селим не решился сказать им свое слово. Поджав под себя ноги, султан сидел на возвышении, украшенном золотом и драгоценными коврами, изображая собою равнодушие ко всему на свете. Два темнокожих нубийца, рослых и мускулистых, в ярких халатах, большими опахалами из страусовых перьев направляли струю прохлады на чело «средоточия вселенной»¹². Почтенный длиннородый астролог, прошедший перед тем ночь на одной из дворцовых башен в созерцании далеких небесных светил, стоял сейчас перед султаном и искательно смотрел на повелителя.

Хункер оживился и спросил звездочета:

– Скажи, что предназначали звезды о задуманном мною?

Астролог вспомнил о поднесенных ему втайне дарах бухарцев и заговорил льстиво:

– О, светлый лик, радость вселенной, царь царей, по сочетанию светил ничтожный раб твой угадал волю аллаха. На Итиле московиты притесняют правоверных, и слезы их вызывают к мщению. Ты, наместник пророка на земле, всемилосердное сердце, не можешь не страдать от сего. Звезды мне сказали, что время для похода на Итиль самое лучшее и благонадежное...

¹¹ Кальян – восточный курительный прибор, в котором табачный дым охлаждается и очищается, проходя через воду.

¹² Один из титулов султана.

Султан молчал, но в душе возликовал: настала пора прославиться. То, что не сделал отец его – Солиман великий – свершит он, его сын, мудрейший и могущественный. Хункер повел глазом и благосклонно улыбнулся. За повелителя ответил первый визирь:

– Твои слова, Измаил, приняты чувствительным сердцем великого повелителя всех правоверных. Теперь иди и радуйся, что можешь погрузиться в счастье, выпавшее на твою долю.

Астролог удалился, и на смену ему на коленях вползли послы из Бухары и Хивы. Они доползли до высокого трона, над которым раскинулся купол синего балдахина, сверкающий, словно звездами, драгоценными камнями. Хункер восседал лицом к югу к Мекке, где, как известно, почивает вечным сном пророк Магомет. Султан заплыл жиром, одряхлел, но борода была иссиня-черна. Прищурился темными глазами, под которыми серели нездоровые отеки, он надменно взглянул на послов. Толстые бухарцы с бородами, окрашенными хной в огнистый цвет, разом, точно по уговору, пали ниц перед султаном. Они распростерлись на мягких коврах, выставив свои обширные зады.

Хункер молчал, изредка шевелил пухлыми пальцами, на которых сверкали искрометным светом драгоценные камни.

По сторонам трона стояли рослые воины в блестящих панцирях, а на ступенях с важностью сидели тучные придворные в парчовых платьях и белоснежных чалмах.

По знаку повелителя первый визирь сказал послам:

– Встаньте и поведайте просьбу вашу преславному и могучему Селиму великолепному!

Кряхтя, послы медленно поднялись и стояли с опущенными головами. Старший из них, самый дородный, приложил ладонь к бровям, словно защищаясь от яркого дневного светила, и медоточиво стал восхвалять величие султана:

– О, брат солнца, великая справедливость на земле, блеск земного мира и веры, величие ислама, не ты ли все дни и ночи думаешь о счастье правоверных на земле, не ты ли их единственный защитник? Мы, прах твоих ног и самое ничтожество из ничтожеств, дерзнули потревожить тебя, отвлечь от мудрых размышлений.

Султан благосклонно кивнул головой, принимая восхваления как должное. Визирь ласково подсказал.

– Великий и великолепный повелитель слушает вас.

Тогда бухарский посол, все еще щуря глаза как бы от непереносимого блеска, вновь пал на землю, уставя бороду в ноги хункера, и завыл протяжным молящим голосом:

– Защитник веры и справедливости на земле, мы шли из Мекки на Астрахань и видели на берегах Итиля плач и скорбь правоверных. Царь московитов побрал Казань и Астрахань и разорил детей пророка. На священной земле нашей возведены русские храмы, а корабли наши и соседей наших, приходя в Астрахань, облагаются непосильными сборами. Русские от сего имеют тамги на день по тысяче золотых! Допустимо ли это, средоточие вселенной, могучий царь царей? Настало время вступить за Астрахань. Молим тебя! – и все послы упали ниц и подняли стон. Султан благосклонно улыбнулся и горделиво заговорил:

– Пусть щеки последователей пророка Магомета расцветут, как розы весной; пусть сердца врагов ислама будут спалены огнем печали и горести, как листья руты!

– О, многомилостивый! О, мудрейший! – подобострастно возопили и протянули руки к хункеру.

Сверкая парчовыми одеждами и драгоценными камнями, султан поднял надменное лицо и закончил непререкаемо:

– Надейтесь! Пусть правоверные ждут моей милости. Я прикажу пожечь пламенным мечом неверных, смешать их кровь с землей. Да будет так! Идите и поведайте верным сынам аллаха, что Астрахань будет наша! – Он торжественно протянул руку, и послы встали; склонив головы и пятясь к двери, они стали выбираться из бирюзовой залы.

На другой день в загородный дворец хункера прибыл посол из Литвы. Султан решил показаться ему в ином свете – просвещеннейшим монархом, занятым процветанием наук и искусств. Посла ввели в обширный зал оранжевой окраски, сияющий на солнце золотом. Все так же торжественно и величественно восседал хункер на резном, украшенном золотом и ляпис-лазурью, троне среди придворных. На малиновом бархате его одежды сияли вышитые золотом драконы и листья неведомых растений. Из серебряных курильниц вились нежные дымки, распространяя сладковатый аромат. Посреди зала бил фонтан, искрясь на солнце мелкими брызгами. Литовский посол, рослый и красивый мужчина с русыми длинными усами, голубоглазый, одетый в малиновый камзол и высокие сапоги со шпорами, войдя в зал, снял с головы шляпу с перьями, быстро наклонился и замахал ею перед собою, показывая образец европейской учтивости. Великий визирь указал ему место неподалеку от султана, предупредив его:

– Великий и мудрый хункер, да простит его аллах, занят сейчас беседой с учеными и просит гостя послушать и сказать свое слово!

Литовец еще раз поклонился и тихо стал в толпе придворных. Селим, важно помолчав, обратился к толстому, с заплывшим лицом старику в белых одеждах:

– Ты побывал в полуденных странах и много видел. Поведай нам, правоверный, что за диковинки там имеются и какими премудростями ты наполнил ум свой?

Ученый склонился перед хункером и среди глубокой тишины повел рассказ:

– Царь царей, брат солнца, справедливость на земле, я побывал в южных странах, где четыре царства природы – холодное и теплое, жидкое и твердое – были преисполнены необыкновенных чудес. Я видел верблюдов, которые пожирали огонь, и у правителя Эфиопии сам гладил благовонных кошек, которые испускали мускус. Но диво из див, – это можно видеть только в садах Магометова рая! Я побывал в роще, в которой летали чудные птицы. Поев брошенного им мяса, эти птицы потом извергали из себя чистые алмазы.

«Что брешет сучий сын!» – возмущенно подумал литовский посол; однако с подобострастным видом слушал султанского ученого. Тот между тем продолжал:

– В этой стране, великий и мудрый, да сохранит аллах мне зрение, водятся крокодилы, которые, насытившись черепахами, разрешались потом золотым песком!

– Ну и лжец! – возмущался про себя литовец. – Такого шута горохового и у нас на Вильнюсе, в замке Гедимины, не сыскать. Какие басни рассказывает! Да и что это, – или меня за неуча принимают или насмеваются? – недоуменно разглядывал он придворных и султана. – Ведь есть же у них науки!

– Там есть соколы, – продолжал ученый муж, – которые кладут по три яйца, а из них рождаются кошки пепельного цвета. Эти зверьки необычны и обладают умением ловить не только обыкновенных птиц, но и быстролетных кречетов...

И еще час с серьезным видом нес он разную околесицу, а Селим внимательно слушал и верил болтовне. Литовскому послу надоело слушать, и мысли его были о другом. Повелено ему было добиться военной тяжбы между султаном и московским царем, чтобы отвлечь русских от литовских рубежей. Он думал, как лучше и осторожнее об этом сказать хункеру.

И вдруг наступило затишье. Повелитель правоверных поднял руку, и все придворные неслышно, пятясь, удалились из оранжевого зала. В нем остались только визирь да посол литовский. Посол переглянулся с турецким вельможей, и оба поняли друг друга. Однако визирь не осмелился еще начать разговор со «средоточием вселенной», так как по его глазам догадывался, что тот еще не наслаждался беседой о науках и искусствах, еще не до конца поразил своей мудростью и ученостью пришельца с Запада.

– А где фряжский художник? – спросил вдруг султан визиря. – Пусть будет здесь и покажет нам свое мастерство!

Визирь троекратно хлопнул в ладоши, и в дверь неслышным шагом вошел тонкий юноша с длинным лицом, обрамленным пышными каштановыми волосами. Он держал перед собой картину.

– Приблизься и покажи, что сделал ты! – благосклонно приказал хункер.

Визирь глазами дал понять послу: пусть и гость с Запада любит искусство придворного художника.

Когда картину повернули к солнечному сиянию, литовского посла потрясли сочные яркие краски и рубиновая кровь, потоки которой стекали с отрубленной и водруженной на кол головы казненного. Искусник нарисовал публичную казнь, какую можно было часто видеть на улицах Стамбула. На полотне эта казнь изображалась с чудовищной подробностью. Гость невольно закрыл глаза от ужаса. Султан же долго и с наслаждением созерцал яркие пятна крови. Но вдруг лицо его выразило удивление и недовольство.

– Здесь, здесь! – показал он перстом на рваные кровотокающие шейные вены. – Неверно тут! Не может так лежать мускул, после того как его поразит острый меч!

Селим помолчал и затем сурово взглянул на художника.

– Не вижу совершенства, нет мастерства! Я научу тебя и покажу, что я прав! – выкрикнул он, хотя художник стоял бледный – ни жив ни мертв – и ни словом не обмолвился. – Приведите раба и опытного палача!

Посла потрясла страшная простота решения хункера. Не успел он опомниться, как в зал ввели раба – красивого, рослого юношу, с мускулистой, крепкой шеей. Следом за ним вошел палач, обнаженный до пояса, с тяжелым мечом в руке. Раб был нем и не молил о пощаде. Или он не понимал, что предстоит ему? У литовца стало холодно под сердцем.

– Видишь! – указал хункер на шею юноши. – А теперь смотри, что станет, какими будут жилы! Ну, ты! – махнул пухлой рукой палачу хункер.

Тот быстро схватил раба за голову и склонил ее, а затем, отступив на шаг, проворно взмахнул мечом, и в мгновение ока прекрасная, только что сверкавшая скорбными глазами голова отскочила от туловища. Палач поднял ее и показал присутствующим. Ноздри султана затрепетали от восторга. Улыбаясь, он сказал художнику:

– Смотри, смотри, как течет кровь из жил и как свернулись мускулы. Вот как надо писать на картине! Всегда показывай истину! – Хункер тянулся к голове, глаза которой уже начали меркнуть. Он жадно принюхивался к запаху крови. Литовцу показалось, что уши раба еще слышат, что глаза его видят, – так глубока и безмерна была печаль, которая еще светилась в них.

– Теперь видишь, чем грешит твое изображение! – сказал поучительно султан.

Посол тяжело дышал, его мутило, но он превозмог слабость и сказал хункеру:

– Ты – истинно мудрейший из царей и величайший знаток искусства! Теперь я вижу, сколь велики твои знания!

Селим скосил глаза на визиря.

– Уведи их! – кивнул он в сторону художника и палача.

В зале, где еще дымилась теплая кровь, сгустками застывшая на пестром бухарском ковре, не обращая внимания на все это, султан спокойным голосом предложил литовцу:

– А теперь поговорим о деле!

Посол низко склонился перед хункером и снова помахал шляпой перед собою:

– Мой король, а ваш брат повелел мне припасть к стопам вашего величия и пожелать вам здоровья.

Султан благосклонно спросил:

– Как чувствует себя наш брат и друг? Мы всегда думаем о нем и муллам наказали возносить молитвы за него.

Посол поклонился:

– Хвала премудрому, виват великому, благодарствую и счастлив поведать, что король радуется верной дружбе и печалится лишь тогда, когда москвиты становятся дерзкими и неучтивыми!

– Я покончу с их дерзостью. Так велит мне аллах и пророк наш! – блеснув глазами, решительно сказал хункер. – Я повелел воинам нашим положить предел проискам московского царя!

Посол повеселел. Избегая ступить на пятно крови, он поближе придвинулся к султану и озабоченно воскликнул:

– Можно ли позволить так беспокоить себя из-за русских холопов? Король, брат твой, огорчен, что караванные дороги с Запада на Восток перехвачены москвитами в Астрахани...

Селим величественно подбоченился и самоуверенно сказал:

– Астрахань будет наша. Это так же истинно, как солнце на небе!

– Хвала великому и мудрому! – льстиво выкрикнул посол.

Визирь утомился стоять: слишком долог и беспокоен день.

Солнце за стрельчатым окном склонилось низко, и от опахал нубийцев на полу лежали длинные тени. Он подобострастно смотрел на султана, готовый выполнить любую его волю, но в то же время думал о своем: «Литовец оказался скуп на подарки, и хункер слишком долго с ним разговаривает! И стоило ли вызывать ученых и просвещать неверного!»

Между тем посол сыпал самые напыщенные похвалы мудрости султана, уговаривая его ускорить поход на Астрахань. Визирь тяжело вздохнул и, воспользовавшись мгновением, когда посол замолчал, еле слышно шепнул:

– Великий аллах да ниспошлет отдых мудрому... Зюлейка...

Султан нахмурился, завертелся на подушках, вспомнил о быстроглазой юной наложнице из Таврии и стал рассеян. Посол догадался, что аудиенция закончена.

2

Тихий вечер спустился на долину, в которой расположился Бахчисарай – столица крымских ханов. Взойдя на высокие, стрельчатые минареты, жемчужно белевшие среди яркой зелени садов, муллы призывали правоверных мусульман к вечерней молитве, гортанными голосами провозглашая символ ислама: «Ля ильга илля ллагу!»

Все предвещало покой и сладостный сон. Девлет-Гирей совершил положенное омовение и забрался на крохотный балкончик, откуда, скрытый частой решеткой, с вожделием наблюдал за женами и наложницами, купавшимися в бассейне, расположенном среди сада. Зоркими глазами хан отыскивал среди них полонянку, привезенную татарскими наездниками с Дона.

Над круглой купальней колебались белые нежные облака, – пенились цветущие кусты черемухи. Под ними, в дожде лепестков, сидела сероглазая, круглолицая и тонкая, как тростинка, девушка в желтом шелковом халате. Сбросив расшитые серебром чувяки и наклонившись к воде, она, любуясь собою, заплетала пышные русые косы. Ах, какие косы! Пожилой хан залюбовался стройной красавицей, забыв обо всем на свете.

«Но зачем она так тоскливо запела? – огорченно подумал он. – Что только смотрит старая карга Фатьма? Для чего она приставлена к ней? Зачем дает она прекрасной гурии так тосковать?»

Голос полонянки звенел тихо, нежно, как звучит в жаркий полдень ручеек. Девлет-Гирей знал русскую речь и понимал толк в плясках и пении. О чем жалуется полонянка? Хан притаился и слышал учащенные удары своего сердца. Казачка пела-жаловалась:

Я вечер гуляла во зеленом саду
Со своею государыней-матушкой.
Как издалека, из чиста поля,

Как черны вороны, налетывали.
Набегали три татарина-наездника.
Полонили меня, красну девицу.
Повели меня во чисто поле...

Нет, это невозможно слушать! Хан вострепнулся, закашлялся, он был недоволен.

«Надо сказать этой старой дуре Фатьме, чтобы отучила полонянку петь такие песни! – раздраженно подумал хан. – И что за имя – Клава Кольцо? Странные у московитов прозвища: Заяц, Волк, Кольцо!..»

Расстроенный Девлет-Гирей выбрался из своего укрытия и прошел в опочивальню, у порога которой ожидал раб Абдулла – поверенный всех сердечных тайн хана. Повелитель хотел сказать ему о своем неудовольствии, но слуга опередил его. Одутловатое желтое лицо раба было встревожено, он беспокойно взглянул на хана и тихо сказал:

– На небе солнце, а на земле ты самый счастливый из смертных. Великий хункер сподобил тебя своим фирманом, чауш только что прибыл из Стамбула и ждет тебя, мудрый хан.

Девлет-Гирей вздрогнул:

– Гонец? Что же ты молчал?

Раб упал ниц и жалобно заголосил:

– Прости, благородный и великий хан, не смел нарушить твоих размышлений...

«Поход на Астрахань!» – сразу догадался Девлет-Гирей и, чтобы отдалить неприятную весть, сказал:

– Вели накормить гостя из моих блюд и напоить из моих сосудов!

Всю ночь не мог заснуть хан. Мысли о полонянке отлетели, их сменили другие, тревожные и опасные. Девлет-Гирей понял, что ему не избежать похода. Хункер Селим коварен, мстителен и жесток. Хан прошелся по опочивальне, добыл ларец, извлек из него бараньи кости. Раб Абдулла, лежавший у порога, подобно сторожевому псу, быстро вскочил: он догадался, – повелитель будет испытывать свою судьбу.

– Раздувай огонь на жаровне! – повелел хан рабу.

Среди обширного покоя стояла жаровня с холодными углями. Повелитель любил смотреть на раскаленные угли и нередко среди ночи заставлял раба раздувать мангал¹³.

Раб быстро вздул огонь, и угли один за другим стали желтеть; прошло мало времени, а на жаровне уже лежала груда раскаленного золота, охваченного синеватыми струйками легкого пламени. По опочивальне от него шло тепло и легкий угар. Хан бросил на красные угли бараньи лопатки, а сам улегся на диван и вскоре задремал.

Когда он открыл глаза, в распахнутые окна глядело черное бархатное небо с крупными яркими звездами, слышался заглушенный лепет струйки, сбегавшей из родника в купальный бассейн. Девлет-Гирей потянулся и вспомнил:

– Кости!

Раб быстро разгреб потухшие угли, и на дне мангала, из золы, добыл бараньи лопатки, потемневшие, но крепкие и целые. Хан повеселел, гаданье успокоило его, – в поход можно было идти без опасения.

Однако утром Девлет-Гирей хоть и льстиво принял султанского чауша, но все же пожаловался на тяжести и опасности пути в безводной степи. Он сунул чаушу кожаный мешочек с дарами и снабдил его письмом к хункеру.

Жаловался и печалился хан, что туркам ни зимой, ни летом нельзя идти на Астрахань. Зимой в степях свирепствуют страшные вьюги и жестокие морозы, и турки все померзнут.

¹³ Мангал – очаг, жаровня с углями, поставленная на полу, смазанном глиной.

Летом травы в степи сгорают от солнца, источники пересыхают, и войска погибнут от безводья. И еще устрашал Девлет-Гирей турецкого султана:

«У меня верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска, если Астрахани не возьмем, то бесчестье будет тебе, а не мне, а захочешь с московским царем воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на Московские украинны, если которых городов и не возьмем, то, по крайней мере, землю повоюем и досаду учиним».

Надеясь на щедрые поминки, но сильнее всего боясь турецкого соседства, Девлет-Гирей послал гонца и к царю Ивану Васильевичу оповестить его о том, что турецкие войска готовятся идти под Астрахань, и было бы, дескать, лучше, если бы царь отдал султану Астрахань добром.

Гонец быстро вернулся и поминоков на этот раз с собой не привез.

Царь московский отвечал Девлет-Гирею решительно и сердито:

«Когда то ведется, чтобы, взявши города, опять отдавать их?»

Одна за другой последовали неудачи. Хункер Селим не внял предостережениям и отправил в Кафу¹⁴ пятнадцать тысяч спагов и две тысячи янычар, вручив начальство над ними Касим-паше. Девлет-Гирею оставалось покориться воле султана. Выделив пятьдесят тысяч конников, он приготовился к походу.

3

31 мая 1569 года Касим-паша тронулся в донские степи. Огромная конная и пешая рать потянулась из разных направлений к Переволоке. Из Азова шли турки-янычары на своих лохматых выносливых конях. Татары пересекли Перекоп и держали путь на станицу Качалинскую. Туда же из Азова поплыли турецкие каторги¹⁵, груженные пушками, зельем, снарядами и богатой казной. Гребцами на судах сидели две с половиной тысячи невольников, среди которых было много русских полонян. Их охраняли от побега всего полтысячи турок. Плыли против течения, добирались медленно. И полоняне все ждали, – вот-вот наскочут русские и отобьют их. Но пустынная была степь, безмолвными лежали на берегах казачьи городки, покинутые станичниками. Янычары и спаги двигались вдоль Дона по изумрудному ковру трав, который распахнулся перед ними от горизонта до горизонта. Конские копыта беспощадно попирали необычайной красоты узоры, расцвеченные белыми, красными, желтыми тюльпанами. Орда привыкла к пестроте степных просторов, к ясному бирюзовому небу, к ласковому солнышку, к аромату трав, к радостной песне жаворонка и, не замечая всего этого, лилась, как шумящий мутный поток, смывающий все на своем грозном пути. Там, где прошли всадники, оставалась пустыня. Позади орды сиротливо лежала оскверненная земля, вились тучи дыма, пустыми оставались колодцы, и убегало все живое – зверь и птица. Только вчера ковыль кишел разной дичью: дрофами, перепелами, журавлями, – сегодня позади ордынских коней над испепеленной землей простерлось безмолвие. Даже рощицы и береговые заросли исчезли. Недавно над Доном, раскачивая густыми кронами, шумели пахучая черемуха, ольха и вяз, а сейчас ветер разносил пепел потухших костров. Вот здесь, на перепутье караванных дорог, приветливо лепетала листвою густая рощица, и у прозрачной кринички в знойный полдень спасались караванчики и становились на отдых пастухи с овечьими отарами, теперь тут осталось обезображенное место и грязная лужа. И когда погасал закат, спускался вечер в пелене туманов и поднимался багровый месяц, а на землю ложилась обильная крупная роса, тогда казалось, что вся донская степь плачет горькими слезами в большом горе.

Впереди янычар, в окружении многочисленной охраны, в золоченом паланкине, водруженном между горбами высокого верблюда, восседал Касим-паша, безмолвно и равнодушно

¹⁴ Нынешний гор. Феодосия в Крыму.

¹⁵ Каторги – суда.

взиравший на степи. Мягко шлепая по пыли большими ступнями, подняв змеиную голову, верблюд с презрительным выражением важно нес своего господина. За верблюдом, раскачиваясь, шел второй, неся на спине голубой паланкин, а из-за шелковых складок его порой выглядывали жгучие глаза любимой наложницы Касим-паши.

Казалось, орды движутся среди безбрежной и безмолвной пустыни, но за ними зорко следили сотни настороженных глаз. Казачьи ватажки, скрываясь в балках, неустанно стерегли врага. Гортанный говор, ржанье коней, свист стрелы, пущенной из тугого лука, – все, все, что исходило от врага, было ненавистно и сжимало сердце. И каждое движение орды было слышно чуткому уху казака.

Ермак, крадучись, с полусотней шел следом за дикими всадниками, сметавшими все на пути. И горько-горько становилось на душе казака, когда впереди подымались густые клубы дыма, – ордынцы жгли встречную станицу. Завидев злое зарево, Ермак сумрачно сдвигал брови. Он недавно появился в Диком Поле, но сердцем, всем своим существом чувствовал, что это своя, русская, на веки веков русская земля! Заслышав плач, Ермак нещадно нахлестывал коня, и горе было ордынцу, если он отставал с захваченными пленниками, – казаки беспощадно рубили хищников. Лицо Ермака бледнело, глаза туманились, когда он видел за конем ордынца заарканенную казачку с распущенными по ветру волосами; он весь наливался кровью и, налетев на своем дончаке на врага, со страшной силой опускал тяжелую саблю на голову насильника.

Казачья полусотня уничтожала турок где только могла. Она подстерегала врага всюду – на перелазгах, у водопоев, на пастбищах. Турецкие янычары жаловались Касим-паше:

– Шайтан казак: есть он тут и нет его! Откуда берется шайтан? Нельзя отойти в степь, нельзя напиться из колодца, совершить омовение, нельзя нарубить дров для костра! Велик аллах, мудр паша, помоги нам! Многомилостивый и храбрый посланник хункера, разреши повернуть коней в степь и потоптать казаков!

Касим-паша, словно коршун на высоком кургане, держался неподвижно, замкнуто и молчал. Он понимал, нельзя уходить за казачьими сотнями. Разве поймает дым в голубом небе: он всклубится и растает; так и казачьи ватаги, – они есть сейчас, но они рассеются, чтобы заманить янычар в болота.

На привалах, у голубого Дона, ставили золотой шатер для Зулейки, и Касим-паша уходил в него. Он садился на пуховики, тянул из кальяна ароматный табачный дым, слушал песни и смотрел пляски наложницы.

На донских просторах буйствовала весна. Степь зеленела, гудела, пела многочисленными голосами налетевшей отовсюду птицы, травы наполняли воздух благоуханием, и полуобнаженная Зулейка ах как хорошо плясала! В сердце старого паши проснулась молодость, но лицо его продолжало сохранять высокомерие и самодовольство.

Сегодня янычары прошли небольшим полем и потоптали его. Касим-паша вспомнил об этом и похвастался:

– Русский народ над полем потел, а наш конь его пшеницу съел. Слава аллаху!

Плохо понимал Касим-паша военные дела, не знал, не ведал он Дона! Равнина, синяя река, курганы, ковыль и среди него черепа коней. Это на первый неопытный взгляд. Но Девлет-Гирей, крымский хан, знал, что в этом необъятном просторе раскинулись глубокие речные долины, бесконечные овраги, балки, сплошь покрытые непролазными кустарниками, местами – черными и красными лесами, а то и топкими болотами. Низины пропитаны водой, обильно заросли шумным камышом, над ручьями непроглядные талы, на поймах – высокие сочные травы.

Мстителен Дон, неуступчив Дон! Много заросших стариц, много протоков, рукавов, огибающих бесчисленные острова. И везде, во всех этих тайниках, глушицах, – казачьи становища, юрты, скрытые городки.

И не видно глазу врага, что таятся в них и готовятся к схватке казаки.

На майданах деды-рылешники¹⁶, седые, слепые, бородатые, пели о ратных подвигах казаков, о битвах с неверными среди ковыльного моря, о богатырях-станичниках, омывших своей кровью крутые берега Тихого Дона.

Тут, на майдане, и встретил Ермак молодого смуглого казака с большими грустными глазами.

– Ой, диду, спой мне про татарскую неволю! – попросил печальный казак сивобородого старика.

Дед-рылешник вслушался в голос и сказал ободряюще:

– Чую, со мной гуторит ладный казак. Крепок, а затосковал. Не впервые басурману приходиться на Дон: ох, и сколько костей всегда оставлял тут враг!

– Не о том кручинюсь, дид, – покорно отозвался казак. – Сестру нехристи в полон за Перекоп увели. Кипит моя кровь...

Внезапно на плечо казака опустилась крепкая рука и раздался уверенный голос:

– А коли кипит, бить надо супостата, в землю вгонять нечисть! Как звать, молодец?

Станичник оглянулся. Перед ним стоял кряжистый чернобородый казак с веселыми смелыми глазами.

– Иваном зовут, по прозвищу Кольцо.

– Ну, Иванушка, садись на коня и едем в Поле. Едем, братик, одной веревочкой, видно, связала нас судьба, вместеях и татар бить!

– Что правда, то правда! – сказал дед-рылешник, огладив длинную бороду, и предложил: – Я вам бывальщину спою...

Не послушали казаки бывальщину, поседлали коней и заторопились в степь. Ехали-скакали рядом. Ермак пристально поглядывал на товарища. Высок, глаза большие, карие, густые темные брови. Из-под шапки выются кудри. На коне сидит лихо, поведет плечом, – чувствуется сила. Орел!

На западе догорала заря, обозначился тонкий серп месяца. Стало быстро темнеть, и в ковыле закричали перепела: «Кваква, пить-полоть, пить-полоть...»

Где-то в камышах, в глухом озерке им отозвался бучень: «Б-ууу, б-у-у-у...»

Затрещали кузнечики, в небе появилась первая звезда, за ней вспыхнуло и заиграло семи-звездие. Ночь, благостная, теплая, опустилась на донскую степь. И как только стемнело, на перепутье выбежал огромный серый волк, понюхал порубленное тело ордынца и, сев на задние лапы, тоскливо и протяжно завыл, сзывая стаю на пир. И далеко по степи раздалась страшная песня зверя...

Казаки спугнули серого и понеслись по ковылю: скакали по просторам, продирались через заросли, оставляли позади курганы, держали путь на зарево костров.

В этот вечер, тихий и благоуханный, к Переволоке подошла орда и раскинулась станом в широкой балке, уходящей к Дону. Месяц заливал все серебристым светом. У излучины ржали кони, где-то неподалеку кто-то забивал прикол для иноходца, и сотнями золотых звезд горели огни во тьме. У костров возились люди...

– Турецкий стан, – шепнул другу Ермак. – Тут и высмотрим все!

Казаки спешили, укрыли скакунов в густом тальнике, а сами уползли в ковыль. Вот и край овражины, темные кустики. Затаив дыхание, донцы залегли. Ермак чутко прислушивался. По степи разносился еле слышный топот; но прислони ухо к родной земле, и она все расскажет казаку. Оберегая стан, кругом рыскают ордынские разъезды.

¹⁶ Рылешник – музыкант, играющий на рыле (искаженное от «лиры»).

Прямо огромный костер, на нем черный закоптелый котел, – татары варят махан. Гор- танный говор нарушает тишину. Ордынцы пьют кумыс¹⁷, побрякивают, похваляются, полами пестрых халатов утирают потные лица.

Прямо за большим огнищем – золотой шатер, полы распахнуты. На пуховиках сидит Касим-паша. Золотится огонь, отблески его сверкают на парчовой одежде паши, а над логом раскинулся через небо жемчужный пояс Млечного Пути.

Ермак видит... На пестром ковре в шатре бесшумно движется в пестрых шальварах и зеленых сапожках смуглая наложница. Слышен повелительный голос Касим-паши, но слов не разобрать. Казак сплюнул и хмуро подумал: «Эко, воин, идет на Русь, а с бабой нежится! Ему бы, старому, дома сидеть!»

Иван Кольцо вынул стрелу, приложил к тетиве. Не миновать тебе беды, старый коршун! Ермак глухо ахнул: оперенная стрела с визгом пронеслась через костер и пронзила шатер. В эту минуту наложница заслонила Касим-пашу, и стрела угодила ей в сердце. Обливаясь кровью, Зулейка упала на ковер. Старый паша трусливо оглянулся и захопал в ладоши. Набежали яны- чары, закричали, указывая в темноту. Ермак понял, что пора уносить ноги. Бесшумно уползли казаки; когда сели на коней и унеслись далеко за курганы, Ермак сказал:

– Люб ты мне, Иван, но горяч и хочешь взять врага срыва. Коли бить, так надо бить наверняка!

Кольцо не сразу отозвался, потом схватил Ермака за руку.

– Кровь взыграла, верь мне, другой раз не промахнусь!

Они выехали на возвышенность, и перед ними опять показались бесчисленные огоньки в степи.

4

15 августа турецкие суда подошли к Переволоке и стали сгружать арбы, заступы, пушки, ядра к ним, порох, свинец, мотыги, кирки и мешки. Над Доном носились потревоженные чайки. Ржанье коней и людской говор гулко разносились по воде. Касим-паша и Девлет-Гирей в сопровождении мурз выехали в степь. Указывая на восток, в ту сторону, где текла величаявая Волга-река, паша сказал:

– Велик путь до Итиля, но сбудется воля мудрого из мудрейших, великого хункера Селима, – соединим две реки, как двух сестер. Ройте канал и по нему пойдут наши каторги и поплывут воины...

Девлет-Гирей ухмыльнулся в бороду, подумал: «Не исчерпать воду из Дона, не перетас- кать землю на таком просторе, который под силу одолеть только доброму коню!» Однако он промолчал и победоносно поклонился Касим-паше.

Ранней зарей на необозримом пространстве степи вытянулись тысячи копачей с моты- гами, заступами и приступили к прокладке канала. Пронзительным скрипом оглашали степь большеколесные арбы, на которых отвозили землю. Орды татар относили землю в полах хала- тов, в походных сумках. К полудню солнце поднялось высоко над раскаленной равниной, оно палило, жгло, изнуряло зноем. Сбросив одежду, полуголые воины Селима с рвением били в землю кайлами, вгрызались в нее заступами; пыль клубилась над ратью, смешиваясь с дымом костров, на которых в больших котлах ордынцы варили конину. Воду для питья брали из Дона, но берега его подстерегали врагов. Стоило турку или татарину ступить в воду, как из камышей с визгом вырывалась стрела, и горе было ордынцу – он падал, сраженный насмерть!

Касим-паша вышел из золотого шатра и, указывая на сизое марево, уверял:

¹⁷ Кумыс – напиток из кобыльего молока.

– Терпите! Туда польются воды древнего Танаиса!¹⁸ И там, где гуляли суховеи, воины Селима напоят коней! Так угодно аллаху, да будет благословенно имя его!

В клубах пыли и дыма солнце казалось багровым; истомленным землекопам было впору ложиться и умирать на этой жаркой, высохшей земле.

«Нет, не вырыть нам канала! Не видать больше берегов Понта!» – в отчаянии думали они.

Весна давно отошла. Под жарким солнцем поник и высох ковыль. Затихли на гнездовьях птицы, не пели больше в голубой выси жаворонки. Ближние родники пересохли, а на дальних подстерегали казаки. Не исчерпать море ложкой, – так не перетаскать и землю на Переволоке горстями. Не бывать тут голубым водам.

Касим-паша смутно догадывался теперь, что изнуренное войско его ляжет костью, но повеление хункера останется неосуществленным.

Турки кричали своему военачальнику:

– Надо уходить, пока не поздно! Тут спалит нас солнце и погубит жажда. Пойдем к реке Итиль, на Астрахань, прямо через степи!

Бывалые воины и янычары жаловались Касим-паше на казаков, тревоживших орду со всех сторон, и просили воли разделаться с ними.

Летний день долог и бесконечен в тяжелом труде, трудно дышится на раскаленной земле, налетает тучами овод и жалит измученное тело; вода мутна и тепла – не утоляет жажды, ветры утихли, и нет прохлады. Повяли и засохли травы, воздух наполнился смрадом, так как стали падать кони, раздутые туши которых не убирались. Воды Дона застыли в неподвижности и не умеряли жар.

Русская земля встретила ордынцев негостеприимно. А в одну из ночей на темном горизонте змейками пробежали огоньки, вспыхнули жаркой полоской и стали шириться, расти, и вскоре коварные языки пламени заиграли на черном небе. Они становились то ярче, то бледнели и замирали, то вспыхивали и тянулись к звездам.

– Аллах все милостивый, степи горят! – закричали в таборе турки. – Казаки жгут сухой ковыль! Смерть! Смерть!

Из шатра вышел толстый Касим-паша и заплывшими глазами уставился в синие огоньки. Турки закричали ему:

– Куда ты привел нас? Мы ищем воду, а нас самих скоро пожрет пламень!

Паша перетрусил, хмуро молчал. Следом за ним из шатра вышел Девлет-Гирей, и его звонкий голос разнесся вдоль Переволоки:

– Вы бабы, а не воины! – закричал он. – В степи каждый год огонь, джигиты всегда жгут посохшие травы, чтоб в рост пошли новые, молодые. Огонь дойдет до ручья, и конец ему!

Небо побагровело, языки пламени тянулись вверх, плясали и торопились. Видно было, как в их багровом отсвете летали потревоженные птицы. Было и красивое, и страшное в жарком степном пожаре.

Огненная лавина все ближе и ближе. Тревожно заржали кони в табунах и, перепуганные, раззевая гривы, понеслись к табору, опрокидывая и ломая все на пути.

Огонь совсем рядом, рукой подать, но пламя вдруг стало ниже. На берег реки в синей дымке легко и грациозно выскочила косуля. Ее бока при дыхании бурно вздымались. Она подняла на длинной шее голову с небольшими рожками и на мгновение застыла. Чуть-чуть, еле заметно поводила высокими прямыми ушами.

Тут и Касим-паша встрепенулся, взмахнул рукой, – ему услужливо и быстро подали лук и стрелу с блестящим острием. Он проворно схватил их. Глаза паши по-юношески сверкнули, и он немедленно нацелился в прекрасное животное.

¹⁸ Древнее название Дона.

Но что случилось? Или дрогнула рука старого воина, или глаза изменили ему – стрела просвистела мимо, испуганная косуля взметнулась и, как видение, исчезла. Касим-паша, бледный, расстроенный, вернулся в шатер и упал на пуховики.

Тщетно утешала его новая наложница, молодая с дикими глазами татарка, он стонал и горестно думал: «Позор, позор! Кто теперь из воинов поверит в мою силу?»

В стане всю ночь не могли успокоиться, гомонили, спорили и только легли, а на востоке уже забрезжил рассвет. Всем казалось – рано, очень рано пришло утро. Солнце из-за гребня увала только брызнуло лучами, а уже защелкали бичи – спаги поднимали людей на работу.

При ярком солнечном сиянии страшной выглядела степь. И откуда только снова появился резвый ветер? Он гнал на работающих тучи едкой золы; она проникала в легкие, скрипела на зубах и покрывала потные бронзовые тела. Еще жарче, невыносимее жгло и терзало солнце, еще изнурительнее стала работа!

В третьем часу пополудни от жгучей жары упал один из копачей канала. Он лежал почерневший, с открытыми глазами, уставленными в белесое небо. К вечеру легло костями в пыль еще десять копачей.

Касим-паша велел перенести его шатер к Дону – тут легче дышалось и не так тревожили крики недовольных воинов. Но и здесь он не находил душевного покоя; рядом, на воде, уткнувшись носами в берег, неподвижно стояли ладьи, а в ладьях чего-то злое ждали невольники.

Они злобно смотрели на золотой шатер, и Касим-паша сам слышал, как бородастый русский полоняник громко сказал;

– Не дойдут они до Астрахани, все передохнут тут! А коли и дойдут, то царь Иван Васильевич найдет на орду свое войско, и тогда берегись, бритая башка!

Касим-паша от ярости сжал зубы. Он проучит этого раба за его дерзкие слова! По его приказу привели полоняника, скованного по рукам и ногам цепями. Он был невысок ростом, худ телом, бороденка всклокочена. Жалок человек, тщедушен, а глаза упрямые. Он не упал на колени перед пашой и не взмолился.

Турок засопел, уставился на него злыми глазами.

– Ты кто? – спросил он по-турецки.

– Я – Семен Мальцев, посол государев! Ехал из ногайских улусов, напали ордынцы, ограбили, изранили и в полон захватили. Повели освободить, иначе Русь за меня требует с салтана!

Касим-паша презрительно улыбнулся в бороду, промолчал. Глаза его жгли русского, но тот спокойно продолжал, показывая на изувеченные руки:

– Гляди, что случилось! Гребцом на каторге был: и жаждал, и голодал, и страдал. Доколе так со мною будет?

Он говорил так смело и гордо, что казалось, будто сам паша у него в рабах. Руки полоняника перевязаны лохмотьями, и на них засохла, заскорузла кровь.

– Я прикажу срубить тебе голову! – сказал Касим-паша.

– Мою срубишь, твою в уплату Русь достанет! Салтан царю тебя выдаст! – громко ответил русский.

– Ух, шайтан! – сжал кулаки турок и закричал: – Много ли тебя есть – хил и слаб, раздавлю, как червя!

– Сколько есть, весь тут! Умучить думаешь – не боюсь. Русь сильна!

Он смотрел в глаза паши смело, и Касим чувствовал в его взгляде непокоримую и непреодолимую силу. «Таких не сломишь! – с досадой подумал он и рассудил про себя: – Кто знает, что будет впереди, может и пригодится в игре этот пленник?» И сказал паша:

– Я прикую тебя к пушке, и ты не сбежишь, пойдешь с нами раскаленными степями к Астрахани!

– Что ж, спасибо и на этом! – спокойно ответил русский. – Ведь и Астрахань – наша родная, русская земля!

Касим-паша захлопал в ладоши, мгновенно появились два рослых спага и схватили полоняника. Они увели Семена Мальцева и приковали его к пушке, а каторги с гребцами-невольниками увели книзу, поставили подальше от золотого шатра.

Работа по рытью канала невыносимо изнуряла войско. Только скрывалось солнце и гасла заря, люди, еле утолив голод, валились на землю и засыпали в тяжелом сне.

И тут пришла тревожная пора: от утомления засыпали не только землекопы, часто находили сонной и стражу.

Стояли безлунные ночи. В лагерь врываются конные казаки. Бесшумно, словно тени, проникали в стан и резали сонных ордынцев, янычар и спагов. Когда всходило солнце, Касим-паша падал на коврик и молился аллаху:

– Великий и всемогущий, побереги мою жизнь. Что творится на этой проклятой земле! Может, и в самом деле уйти степью?

Он советовался с ханом Девлет-Гиреем. Тот упорно молчал, а когда открывал уста, то Касим-паша слышал:

– Я советовал мудрейшему и великому хункеру Селиму не спешить с Астраханью. Русь хитра! И кормов в степи мало, а зимой тут гололедица и бескормица, будут гибнуть люди и кони...

Глаза хана, черные и лукавые, непроницаемы.

«О чем думает он? Может быть, играет двойную игру? – тревожился паша, но строгое и невозмутимое лицо Девлет-Гирея внушало доверие. – И не его ли крымчаки тут же с нами страдают?» – успокаивал себя Касим-паша.

А в эту самую пору Ермак с казаками напирал на Андрея Бзыгу:

– Турки пристали, изверились, они чувят, что канава станет их могилой. Степи пожжены, нет корму для коней. Всем скопом навалиться на них и посечь-порубить врага саблями!

Выставив дородный живот, атаман хмуρο разглядывал станичников.

– Чи вы посдурели вси, чи хмельные! – сердитым басом гудел он. – Их хмара, а нас сотни. Рук не хватит порубать. Терпеть надо!

– Чего терпеть, ежели сердце огнем пылает! Земля поругана, казачество ждет! На реке Дону более двух тысяч полонян на каторгах гребцами, нас ждут не дождутся. Подай руку, вместе подымутся и будут орду бить!

– Нельзя! Слушать меня, атамана, казаки! – закричал Бзыга.

Ермак и Кольцо ушли с майдана мрачными.

«Не тот атаман! – думал Ермак. – Кому служит, не разберешься!» – И не утерпел, ударил себя в грудь:

– Мы же русские!

– Русские! – твердо ответил Кольцо. – Каждый своей кровиночкой!..

Глава третья

1

За ордынским станом, на восток, на всем протяжении Переволоки лежала необъятная ширь до самой Волги. Тут на плато, между Доном и великой русской рекой, пролегал старый путь, издревле известный, и всегда из восточных стран на Русь через эти места шли караваны. В логу, где шумела рошица, таилось самое заманчивое в этой печальной пустыне – колодцы «Сасык-оба». Здесь путника ожидала тень, прохладная вода и отдых.

Вторую ночь Ермак с казаками стерег тут ногайцев: знал он, – раз идут турки и ордынцы на Астрахань, непременно навстречу им потянутся переметчики. Тут и ловить их!

За курганом, с подветренной стороны, лежали Ермак и Гроза, Иван Кольцо да Богдашка Брязга, а с ними десятка три удалых станичников. Ночь простиралась звездная, тихая, не слышалось воя назойливых шакалов, не шелестели травами тушканчики. Казалось, вымерло все в бескрайней пустыне, только в неверном лунном свете, догоняя друг друга, подпрыгивая, двигались темными легкими шарами перекати-поле.

Глядя на них, Гроза вздохнул:

– Рано ныне подошла осень. Смотришь, растет такой круглый куст на ломком стебельке, созревают на нем семена, и тогда отсыхает этот стебелек, налетает ветер и гонит-гонит день и ночь без передышки по степи перекати-поле... Взгляни, какие звезды! – мечтательно посмотрел казак на темное небо. – Вот и колесница царя Давида поднялась краем из-за кургана! – показал он на Большую Медведицу и сладко потянулся. – Лежу, а сам думаю: вот покончим с ордой, да и на Волгу! Чую в своих жилах горячую кровь, никак ей не угомониться. А тут, на станице, Бзыга да заложники тянут из нас жилы. И у нас на Дону неправда завелась. Эх!..

Ермак хотел отозваться, много и у него накопилось против Бзыги, но в эту минуту на кургане вспыхнули зеленые огоньки.

– С нами крестная сила! Гляди, покойник из могилы выбрался, – взволнованно прошептал Брязга. – А может, это неприкаянная душа? Убрался человек со света белого без молитвы и креста.

Ермак поднял голову, взгляделся. Курган смутно темнел в слабом свете ущербленного месяца, а на вершине его и в самом деле то вспыхивали, то погасали зеленые огоньки.

– Бродит, нечистая сила. Глянь-ко! – схватил он Грозу за руку.

– Волк! Сейчас спугну! – отозвался Гроза и взялся за саадак со стрелами.

Но огоньки померкли, над степью пронесся прохладный ветерок, звезды стали бледнеть.

– Скоро утро! – задумчиво сказал Брязга. – Соснуть, братцы, да и не спится.

На востоке заалела полоска зари, тишина кругом стала полнее, глубже. Чуткий на ухо Ермак вдруг уловил неясный, смутный звук. Знакомое безотчетное чувство тревоги охватило его. Он припал к земле. И опять тихие певучие звуки повторились, они росли, крепили, наливались сочностью и приближались. Теперь отчетливо переливались погромки-бубенчики.

– Браты! – вскочил казак. – Караван идет!

Брязга насторожился.

– Верно! – подтвердил он. – Купцы из Ургониша идут на Русь. Слышно – арбы скрипят, верблюды ревут...

– Нет, братики, то не из Ургониша купцы, из Астрахани к туркам торопятся ногайские переметчики. Ну, братцы, не зевай!

– Оттого ночью воровски идут, что Касим-паше дары везут.

Заря охватила полнеба. На золотом фоне ее с востока по тропе приближались темные точки; они росли, близились, и наконец, верблюд за верблюдом, показался большой караван. Казаки взметнулись в седла и убрались в балочку. Ермаку все видно. Вот из-за кургана, ритмично покачиваясь, показался огромный верблюд. Сбоку в люльке белеет чалма карамбаши. Он что-то монотонно поет.

Длинной цепью верблюды тянулись к колодцу «Сасык-оба». Они ревели, медленно поворачивая головы на долговязых шеях. Туго набитые мешки и тюки покачивались в такт движению по обе стороны вьючного седла. Седобородые купцы в пестрых халатах и белоснежных чалмах дремлют, а неподалеку от них на горбоносых ногайских конях джигитуют всадники с копьями. Нежный звон бубенчиков усилился, караван подошел к глубоким колодцам. Карамбаши повелительно прокричал своему головному верблюду:

– Чок!

Животное огляделось и тихо опустилось на землю. Вожатый, в стеганом бумажном халате, проворно выбрался из люльки и стал покрикивать на слуг.

То и дело раздавалось резкое, властное:

– Чок! Чок!

Один за другим опустились верблюды, и караванчики быстро разгружали кладь. Из своего паланкина выбрался толстый купец в халате, шитом золотом, и шароварах малинового бархата, в зеленых сапогах из ослиной чешуйчатой кожи с загнутыми носками. Важно переваливаясь, он, не торопясь, пошел в тень. За ним потянулись другие купцы.

Ермак приготовил аркан. Эх, только размахнуться и захлестнуть жирную шею купца! Казачьи кони нетерпеливо перебирали ногами, тут бы и...

Но в эту самую минуту, поднимая пыль, к роднику «Сасык-оба» вынеслась на рысях казачья сотня. Впереди на черном коне-звере показался Андрей Бзыга в красном чекмене.

«Опередил, и тут опередил!» – раздраженно подумал Ермак и, оборотясь к станичникам крикнул:

– За мной, братья!

Ногайцы пали на колени и, подняв вверх руки, заголосили на разные лады:

– Алла! Алла!

Жирный купец в малиновых шароварах, низко приседая, залопотал.

Бзыга подбоченился, сощурил зеленоватые глаза и сказал важно:

– Ага, послы ногайские к царю следуют...

Купцы униженно били лбами в землю. Стражники побросали копья и, опустившись на колени, завопили:

– Ага, ага¹⁹, будь милостив! Мы подневольные!

Тут и Ермак сорвался и вынесся из укрытия на разгоряченном коне. Его дончак злобно заржал, поднялся на дыбы, готовясь растоптать врага. Но Бзыга вымахнул сабельку, синим огоньком блеснула полоска булата.

– Не трожь! – багровея закричал он Ермаку. – Не видишь, послы едут на Русь! Царь задирать не велел.

Глаза атамана потемнели, прочел в них Ермак непримиримую ненависть. Гроза скрипнул зубами и сказал хмуро:

– Опять ты, атаман, поперек нашей дороги стал!

– Говоришь много! Гляди, пожалеешь! – пригрозил Бзыга.

Ермак оглянулся на своих. Крепкие, загорелые, они, как дубы, вросли в седла. Вояки! Гляди, рука Богдашки Брызги крепко сжимает рукоять сабли. Но он и товарищи притихли, опустили глаза в землю. Укротил их всех окрик атамана – сильна еще его власть!

¹⁹ Ага – господин.

Степенно и твердо сказал Ермак атаману:

– Чую, не послы это, а переговорщики из Астрахани едут челом бить Касим-паше.

– Не твое дело! – властно отрезал атаман. – Я тут набольший из вас, и мне только положено знать обо всем... Эй, купцы, к вам мое слово! – Бзыга спрыгнул с коня, подошел к седобородому и стал с ним вести речь по-ногайски.

Ермак и его ватага свернули в сторону. В караване опять началось обычное оживление: почуяли астраханцы свою руку. По приказу седобородого, на ковыль раскинули мягкий, пушистый бухарский ковер. На него разостлали дастархан, слуги принесли медные кумганы, расставили серебряные чаши. Налили свежего кумысу, положили салмы, баранины, круту. У колодца зажгли костры и стали жарить на углях баранину.

Высокий сухой старик, с бородой, слегка подкрашенной хной, величественно уселся на подброшенную слугой подушку. Его зеленый халат из тяжелой парчи переливался на солнце серебром. Астраханский посол поднял руку, и слуга проворно положил рядом с ним вторую подушку. Старик пригласил Бзыгу сесть рядом с ним. Атаман, не задумываясь, по-татарски подобрал под себя ноги и чванливо уперся в бока. Рядом с ним расселись другие купцы, и началось обжорство.

От костров по степи тянулся сизый дым. Казаки теснились к Ермаку, а сами, глядя на повадки атамана, думали горькую думу: «Продал нас Андрей, продал!» Ермак еле сдерживал себя. «Эх, налететь да переведаться саблей с Бзыгой в чистом поле! Да никто не поможет и осудят еще: во тьме бродят станичники, и для них святее нет приказа атамана!»

Между тем по гортанному окрику седобородого купца карамбаши развернул перед Бзыгой большой тюк. И сказал старик атаману:

– Бери, ты достоин этого!

Цветным каскадом запестрели перед Бзыгой кашемировые шали, алые шелка, бухарские ткани, которым цены нет! Развернул карамбаши другой мешок – высыпались цветные сапоги с окованными серебром закаблучьями и высокими загнутыми носами. Распахнул третий тюк – гляди, любуйся, выбирай! Тут и синие чекмени с перехватом в пояснице, и пояса цветные, и халаты пестрые. Сколько богатств заиграло для алчного глаза атамана!

Заслоня грудью сокровища, толстый купец осторожно разложил кожаный складень, и на черном бархате заблестели алмазы, яхонты и бирюза.

Бзыга крикнул, потянулся и заграбастал горсть драгоценных камней. Купец не рассердился, только ниже склонил голову и хитро улыбнулся, а потом льстиво заговорил по-ногайски...

Не было сил смотреть на казачий позор. Все нутро бушевало у Ермака, сжал он плеть и огрел своего коня.

– Эй, братцы мои, ей, честные станичники, прочь отсюда! За мной! – крикнул он.

Застучали копыта, поднялась пыль, унеслись казаки. Пошли дороги степные, неотмеченные, только сухой ковыль шуршал да ящерики из-под копыт разбегались. Ветер охладил лица, немного успокоилась кровь, и тогда остановились станичники и стали совет держать, как быть?

Гроза смахнул шапку-трухменку, и ветер заиграл темными волосами на его голове. Казак поклонился рыцарству:

– Браты-казаки, не выроет Касим-паши канавы, не соединит Дона с Волгой-рекой. Придется идти орде степью. И, как только тронутся янычары, татары, запалим все кругом: и сухой ковыль, и камыши; засыплем колодцы. Пусть идет он черной пустыней, а за ним следом смерть тащится!

– Умен ты, Гроза! – похвалил Ермак. – Ну, а ты, Кольцо, что скажешь?

– И я так думаю. И будем мы, братья, бить ордынцев и турок, бить смертным боем, рубать так, чтобы во веки веков не забывалось! Но мало этого, казаки, надо весть в Астрахань дать о напасти!

– Хитер Бзыга, а мы его перехитрим! – сказал Ермак. – Не бывать турку и татарину в Астрахани!

И опять полетели они по сухому ковылю, по глухим тропам, по безлюдным просторам. Каменные бабы на курганах да посеревшие от ветров одиночные кресты указывали им путь. Тяжел он был, беспокоен, но что поделать – такова казачья доля!

2

Тысячи бронзовых исхудалых тел копошились в степи. Тут были воины, сменившие доспехи и клинки на заступы и мотыги, толпы рабов, скованных цепями, звеневшими при каждом движении, и крымские татары, ругающие затеи султана. В душном зное, среди клубов пыли блестели зубы, белки глаз, в которых читалась нескрываемая, злобная ненависть. Это всем своим существом чувствовал Касим-паша, но держался он невозмутимо и гордо.

Умный конь его, белоснежный аргамак, осторожно ступал по тропинке среди лабиринта арб, развороченной земли и озлобленных копачей. Трудно было дышать, из раскаленной степи, как из огромной чудовищной печи, обдавало жаром.

Столько дней, изнывая от зноя, рыли канал полчища людей, и так ничтожны оказались результаты! Касим-паша понял, что все усилия бесцельны и дольше нельзя задерживаться на Переволоке. Он ехал безмолвно, и каждый шаг пути убеждал его в бессилии перед пустыней.

Разноязычный говор носился над унылой лощиной, но там, где ступал белый конь паша, все смолкало и замирало, как перед великой грозой.

Касим-паша свернул к Дону и облегченно вздохнул. Здесь стояли выгруженные на берег пушки. Подле одной из них, на черной обугленной земле, лежал прикованный невольник. Паша узнал его.

– Русский! – презрительно позвал он и остановил на мгновение коня. – Ты все еще думаешь о Руси? Ты ждешь ее?

Семен Мальцев не поднялся, суровыми глазами взглянул на полководца и ответил с достоинством:

– Кругом полегли русские земли. Непременно придут наши! Еще того не бывало, чтобы они отдали свое родное. Вон сколько степи погорело – плохой знак, худой!

– Замолчи, собака! – замахнулся на него плетью Касим-паша.

– Могу и замолчать: дело яснее себя покажет, – спокойно ответил пленник и опустил голову. Вздохнул и подумал: «Ох, отольются тебе русские слезы!»

Играя каждым мускулом, гарцуя, конь Касим-паша проследовал к золотому шатру. Мальцев долго смотрел ему вслед и думал: «Что, кишка тонка, не сдастся Переволока! Но где же, куда подевались казаки? Если ударить сейчас по изнуренной орде, побежит, ой и шибко побежит!»

Но горизонт был ясен, пуст, и пленник изнывал от голода и жажды. «Нет, видно так и придется тут сложить свои кости!» – мрачно решил он и вдруг вспомнил о грамоте, которую ему доверили в посольстве. Перед нападением ногайцев Мальцев успел спрятать ее в дупло. Пленник встрепнулся, отогнал от себя тяжелый морок и твердо внушил себе: «Держись, Семен, до последнего часа держись! Грамоту убереги!»

Тем временем Касим-паша слез с коня, но в шатер не вошел. Он поджидал хана. Когда подошел Девлет-Гирей, он сказал ему:

– Нет сил рыть канаву, идет осенний месяц, и приказываю всем идти на конях, а каторги и пушки поставить на колеса и катить на Итиль!

На другой день аробщики, кузнецы, рабы и пленяне стали разбирать арбы и подлаживать колеса под гребные суда и тяжелые пушки. Дубовые оси не выдерживали, ломались, лопались втулки, и напрасно надрывались люди – падали и не поднимались даже под бичами. До шатра

Касим-паши доносились крики, стоны и заунывные песни, но ладьи не двигались. Паша ступал по мягкому бухарскому ковру; он был в цветных чувяках, в белоснежной чалме, но в одной рубахе и портках. Он упрекал себя за промах: «Зачем столько дней потратил у Переволоки? Но как быть с пушками, они нужны под Астраханью».

Наступил вечер, потянулись дымки, запахло горелым кизяком²⁰, крики умолкли, постепенно улеглась пыль. Касим-паша все еще не пришел к решению.

Неслышной поступью через распахнутые полы в шатер вступил раб – смуглый нубиец. Паша вздрогнул от неожиданности. Слуга приложил руки к груди и низко поклонился:

– Великий и мудрый воитель, к нам пришла радость! Из Астрахани прибыли послы и говорят, что нас ждут там и все будет хорошо.

– Пусть отдохнут с пути, а я поговорю с аллахом и тогда позову их! – скрывая радость, ответил паша.

Но послов не позвали в золотой шатер ни вечером, ни ночью. Они томились в неведении. Касим-паша хорошо знал этикет: чем больше изнывали послы, тем выше им будет казаться могущество султана и его полководца! Утром паша обрядился в лучший халат из золотой парчи, раб бережно уложил на его голову белую чалму из тончайшей ткани и опоясал хозяина золотым поясом, на который привесил ятаган, осыпанный драгоценными камнями. Касим-паша самодовольно оглядел себя: он выглядел величественно и грозно. Взяв под руки, два раба усадили своего повелителя на высоко взбитые подушки, и тогда паша благосклонно разрешил:

– Пусть войдут подданные нашего великого хункера!

Астраханские послы, переступив порог, упали на колени и в безмолвии склонились ниц. Глубокое молчание продолжалось долго. Наконец Касим-паша торжественно спросил их:

– Кто вы и откуда прибыли?

И тогда трое старейших, а с ними толстый купец, на карачках подползли ближе.

– Слава аллаху, он удостоил нас увидеть самого сильного и могущественного полководца! – воскликнул седобородый. – Велика твоя слава, храбрейший! Да будет благословенно имя твое, сильнейший воин! Мы пришли из Астрахани и просим тебя поспешить туда. Правовверные ждут не дождутся милостей великого хункера!

– Чем это вы докажете? – спросил Касим-паша и степенно огладил бороду. На пухлых пальцах заискрились перстни.

– Мы привезли тебе дары, и будь многомилостив, не откажи, прими их! – Седобородый поднял голову, пристально взглянул на пашу и добавил: – Как сухая земля ждет росы, так ждут тебя в Астрахани!

– Я повелел поставить каторги на колеса и тащить пушки! – с важностью оповестил паша. – Завтра мы идем отсюда!

– Мудрый и самый храбрый в подлунном мире, выслушай нас! Повели каторги отослать в Азов, на Итиле ты найдешь быстроходные галеры, а тяжелые пушки отнимут много времени. Там все есть, нет только храбрых воинов!

Касим-паша медлил с ответом, и тогда седобородый воскликнул:

– Дозволь, светлоокий и отважный, положить к ногам твоим дары!

Паша благосклонно кивнул головой.

В шатер вошли слуги и внесли тюки. Они быстро развязали их, и потоки яркого, веселых цветов, шелка, как половодье, затопили шатер. Турок невозмутимо смотрел на них, хотя сердце его возликовало. А послы все больше богатств выкладывали перед ним: и сукна красные, и расшитые халаты, и серебряные сосуды. Все играло, сверкало, манило к себе; но чудо из чудес – перед ним разложили драгоценные булатные клинки. Это были древние индийские хорасаны. Казалось, в таинственной глубине сплава мерцали затейливые узоры. Касим-паша

²⁰ Кизяк – горючее из навоза, употребляемое в безлесных местах.

не выдержал, потянулся к булатам. И когда он взял в руки один из них и взмахнул – шатер осыпала сверкающая молния. Паша обмяк и сказал подобревшим голосом:

– Слава аллаху, вы умные люди, и мне приятно слушать ваши речи! Завтра выступаю в поход.

Он ни одним словом не обмолвился о своем союзнике Девлет-Гирее, который, потемнев от зависти, все ждал у костра, когда его позовет полководец хункера. Ждал и не дождался.

«Он жаден, как шакал! – возмущенно думал хан. – Он хочет один все захватить, но подавится добычей! Путь велик, еще длиннее он будет от Астрахани до Азова!»

Утром затрубили трубы, и вестники Касим-паши объявили всем его волю: каторги снова спустить на воду, тяжелые пушки погрузить и отправить в Азов, с остальными двенадцатью легкими идти на Астрахань.

Семен Мальцев не попал на каторги; его приковали цепью к легкой пушке, и вместе с другими пленниками он потащил ее на скрипучих колесах. Суда с грузом, отбывшие в Азов, сопровождали три сотни янычар, и думалось Мальцеву, что наконец-то догадаются казаки и нападут на суда, потопят их, а добро турецкое и пушки с зельем заберут себе.

Едва только выкатилось из-за окоема солнца, конные орды татар и турок двинулись на восток. Утром над землей веяло прохладой. Пройдя до полудня, орды встретили посохший ковыль, плоские озерца и камыши. Все, казалось, предвещало удачу. Касим-паша оживился:

– Все плохое осталось позади! Вот и колодцы!

Радость оказалась преждевременной. Родник «Сасык-оба» был засыпан; пересохший, покрытый галькой, лежал ручей. Кони и воины, изнывавшие от жажды, так и не получили ни капли влаги.

Снова тронулись в путь. Позади конных полчищ тянулись скрипучие арбы со скарбом, невольники тащили пушки. Над всей степью стлалась темная непроглядная пыль.

И снова стала нарастать тревога: на далеком горизонте появились черные вихри, которые, крутясь, вздымаясь все выше и выше, затмили солнце и быстро приближались к орде. Не прошло и получаса, как на дорогу полетел пепел, голубое небо посерело, и горячее дыхание степного пожара снова пахнуло в лица всадников.

Хан Девлет-Гирей мрачно ехал позади Касим-паши и сердито думал: «Вот и пришла твоя гибель!»

Сейчас все помыслы его сосредоточились на одном – на мести. Он не жалел ни ордынцев, ни коней, думал только о гибели и посрамлении паши. К ночи темные клубы дыма рассеялись, и впереди, на востоке, снова раскрылась страшная черная пустыня. Как погребальную пелену, принес легкий ветер тучи копоты. Воздух насытился запахом гари. Снова земля горяча, черна, как уголь, и дышит зноем. Колодцы без воды. Пепел покрыл дорогу и тропы, и все знакомое ногайцам неузнаваемо изменилось.

Карамбаши в досаде кусал губы: «Была дорога и не стало дороги! Аллах гневен на турок!»

Попадались обуглившиеся кресты – под ними покоились казачьи кости. Впереди, на востоке, заалело зарево, с наступлением сумерек оно становилось все ярче.

Орда тянулась по черному безмолвному шляху.

Впереди всех ехал Касим-паша и с суеверным страхом поглядывал вдаль. Его белоснежный аргмак на глазах серел, покрывался копотью. Иногда чей-либо конь неосторожно разбивал копытом кочку, и тогда сыпались искры и чудилось, что земля тлеет, накаливается и вот-вот вспыхнет всепожирающим пламенем. Кони тревожно ржали, пугались, производили в рядах орды смятение.

Опустилась темная южная ночь, чудовишно раскалилось небо, огромное зарево охватило горизонт.

И опять Касим-паша в смертной тоске подумал: «Неужели гибель?»

К нему подъехал седобородый астраханец и посоветовал.

– Вели остановиться. За ночь все сгорит, немного остынет земля, и мы пойдем дальше!

У безвестного кургана разбили голубой шатер, и он сразу стал черным. Касим-паша вошел в него и расположился на взбитых пуховиках. Он без конца пил из кожаных бурдюков теплую протухшую воду и без конца думал о том, что без воды и корма погибнут воины и кони.

Несчастье сблизило рать. Позади она оставила сожженные степи, впереди, за огненным кругом, ее ждала Волга, Астрахань и, главное, – вода. Прохладная и чистая вода!

Всю ночь горели огни, все еще пылали степи, и томила духота. Только под утро зарево стало меркнуть и прояснилось небо. На заре тронулись в дорогу. Люди стали безмолвными, понимали все без слов, страх и уныние овладели ими.

По сторонам от шляха оставались трупы, и стаи птиц, налетевших издалека, теперь кружил над ордой. Касим-паша больше не ехал впереди воинства. Он пересел в паланкин, и огромный белый верблюд, покачиваясь, нес его среди пожарища и пустыни. Позади в обозе скрипели арбы, надрывно мычал рабочий скот и без конца неистово кричали спаги, нахлестывая бичами падающих от изнурения полонян, тащивших пушки.

Девлет-Гирей не разбивал юрты на стоянках. Он заворачивался в косматую бурку и, положив рядом ятаган, быстро засыпал. Он не боялся ни степного пожара, ни пустыни, ни криков стервятников – в набегах на Русь он привык ко всему. Просыпаясь, он думал о прежнем: как бы подороже продать Касим-пашу.

Когда казалось, что всему будет скорый конец: кони падут без корма и воды, измученные люди не встанут после ночлега, – неожиданно затуманилось небо и к ночи собрался дождь. Он полил потоками, бурлил, щедро поил раскаленную алчущую землю, наполнял до краев лощины и ручьи. Измазанные, в грязи, измученные люди падали лицом в лужи и жадно пили, вдыхая освежающую прохладу.

Касим-паша снова повеселел:

– Теперь дойдем! Скоро будет Итиль!

И хотя до Волги еще было далеко и кончился корм, но все ободрились. Страшное осталось позади. Только Девлет-Гирей продолжал мстительно думать: «Путь от Астрахани до Азова будет еще длиннее!»

Он на себе испытал силу Руси и не верил, что Касим-паша сумеет одолеть ее под Астраханью.

И опять паша встретил Семена Мальцева, худого, страшного. Глаза русского ввалились в черные орбиты и сверкали, как раскаленные угли.

– Видал, какая наша сила? – резко крикнул он Касим-паше. – Это еще цветочки. А вот с русской ратью встретишься, еще хуже будет!

– Я сегодня срублю тебе голову! – сердито ответил паша.

– Ты уже однажды обещал, да забыл! Чего тянешь, а может, чего доброго, и впрямь моя голова еще сгодится тебе на выкуп! – с насмешкой сказал русский.

Касим-паша поскакал вперед. Налетевшие стервятники с криком рвали падаль. Они не пугались ни орды, ни стрел. Поднимались и снова опускались на раздутые туши коней.

Какая-то сила удерживала пашу, и он не позвал палача, чтобы срубить голову дерзкому пленнику. «Кто знает, что предполагает аллах? – рассудил он. – Может быть, это моя судьба? И потом, никогда не поздно сделать это!»

Он оживился, поднял лицо, так как из степной балки внезапно подул свежий ветерок. «Вот скоро и Итиль!» – с надеждой подумал он.

3

Над степью лежала тихая ночь. Млечный Путь опоясывал темное небо жемчужным поясом; из-за курганов выкатилась золотая луна. Казалось, все уснуло, все замерло в глубокой

тишине, но Ермак не верил коварному покою и безмолвию. Все междуречье, от Дона до Волги, охватило скрытое беспокойство: днем и ночью по балкам и оврагам рыскали волчьими стаями ногайские наездники. Они осторожно выслеживали и с диким визгом врываются в одинокие русские хутора и заимки, заброшенные в Дикое Поле. Хищники резали отважных поселщиков, предавали курени огню и, навьючив награбленное добро, снова скрывались в безлюдных просторах.

Кочевники с нетерпением готовились к встрече полчищ Касим-паши. Среди этого кипучего озлобленного вражеского края казачья ватажка Ермака на крепких коньках торопилась в Астрахань предупредить русских о беде. Днем казаки скрывались в диких урочищах, в камышах степных озер, а ночью, не мешкая, пускались в путь.

На третью ночь казаки выехали на пологую возвышенность. Ермак оглянулся и радостно крикнул:

– Гляди, братцы, как Ивашка Кольцо честит басурман огнем!

Далеко на западе, в донской земле, алел оком. В густой тьме перебежали и трепетали веселые язычки пламени, – пылала подожженная степь. Казаки оживились и негромко запели:

Загорелась во поле ковылушка,
Кто знает, она от чего?
Не от тучки, не от грома.
Не от жаркого лучья. –
Загорелась во поле ковылушка
От казачьего ружья...

И чем больше разгоралось пламя на горизонте, тем веселее и увереннее становились казаки.

Три ночи скакала ватажка на восток, а на четвертый день, на заре, в долине заблестели широкие воды.

– Волга! – радостно ахнули казаки и вздохнули полной грудью.

Ермак снял шапку, ветер шевельнул черные кудри. Он соскочил с коня и низко поклонился:

– Здравствуй, Волга-матушка! Здравствуй, родимая! Кланяется тебе наш преславный Дон Иванович!

Любо было слышать казакам дорогие и верные слова Ермака. Все спешили и долго смотрели на раздольную и разгульную реку. Любовались они и нежно-розовой полоской, вспыхнувшей на востоке, – вот-вот взойдет солнышко.

Веда коней в поводьях, казаки по росистой траве спустились к прохладному плесу. Умыли, освежили лица, огонек прошел по жилам от прохладной воды.

И пока сами мылись, пока купали и поили коней, взошло солнце, и на левобережье Волги, над камышами потянулся сизый туман.

Утомленные, но счастливые казаки отыскивали в тальнике укромный уголок и разожгли костер. Над ним повесили черный от копоти котел и стали варить похлебку.

Ермак смотрел на золотой плес, на просинь могучей реки и вполголоса пел:

Ах ты Волга ли, Волга матушка.
Широко ты, Волга, разливаешься.
Что по травушкам, по муравушкам.
По сыпучим пескам да камушкам.
По лугам, лугам зеленым.
По цветам, цветам лазоревым...

– Братцы! – прерывая песню, закричал Богдашка Брязга. – Тут в овражке таится хутор. Айда-те за мной!

– Стой! – строго сказал Ермак. – Пойти можно, но русского добра не трожь! Веди нас.

Брязга привел казаков в дикое место. Под вековым дубом приютилась рубленая изба, двери – настежь. В темном квадрате вдруг появилась баба. В синем сарафане, здоровенная, лет под сорок, она сладко зевнула и потянулась.

– Здорово, краса! – окрикнул женщину Ермак.

– Ахти, лихонько! – от неожиданности взвизгнула баба и мигом скрылась в избе.

Казаки вошли в дом. В большой горнице тишина, пусто.

– Эй, отзовись, добрая душа! – позвал Ермак, но никто не откликнулся.

Тем временем Богдашка Брязга сунулся в чулан. Глаза его озорно блеснули: в большой кадучке он разглядел широкую спину хозяйки.

– Ишь, ведьма, куда схоронилась! Вылезай! – незлобиво крикнул он и за подол сарафана вытащил толстую бабу из кадучки. Подталкивая, вывел ее в горницу.

– Гляди на хозяйку! – весело оповестил он.

– Ты чего хоронишься, лесная коряга? – закричали казаки. – Разве не знаешь порядка: когда нагрянут казаки, надо встречать с хлебом-солью! Проворней давай нам есть!

Хозяйка поклонилась станичникам.

– Испугалась, ой, сильно испугалась! – пожаловалась она. – Тут по лазам да перелазам всякий леший бродит, а больше копошится ныне ногаец! Злющ лиходей!

– Есть ли у тебя хлеб, хозяйка? – ласково спросил ее Ермак. – Изголодались, краса. Как звать, чернобровая?

Женщина зарделась. Добродушная речь казака пришлась ей по сердцу.

– Василисой зовут, батюшка! – отозвалась она и засуетилась по избе.

Сбегала в клеть, добыла и положила на стол и хлеба, и рыбы, и окорок.

– Ешьте, милые! Ешьте, желанные! – приятным грудным голосом приглашала она, а сама глаз не сводила с Ермака. Плечистый, темноглазый, с неторопливыми движениями, он напоминал собою домовитого хозяина.

– И откуда у тебя, матка, столько добра? – полюбопытствовал Ермак.

Василиса обласкала его взглядом и певуче отозвалась:

– Волга-матушка – большая дорога! Много тут всякого люда бродит по воле. И брательники мои гуляют...

– С кистенями! – засмеялся своей подсказке Богдашка Брязга.

Женщина потупила глаза. Ермак понял ее душевную смуту и ободрил:

– Не кручинься. Не кистенем, так оглоблей крестить надо бояришек да купцов! Пусть потрошат мирских захребетников. «Сарынь на кичку!» – так, что ли, твои брательники окликают на вольной дорожке приказного да богатого? Не бойся, матка, нас!

– Так, желанный, – охотно согласилась баба. – Кто богу не грешен!

Она нескрываясь любовалась богатырем: «Эх, и казак! Бровь широкая, волос мягкий, глаз веселый да пронзительный! И речист и плечист!» – Она поклонилась ему:

– А у меня и брага есть!

– Ах, какая ты вор-баба! – засмеялся Брязга. – Вертишься, зенки пялишь на казака, а о браге до сих пор ни гу-гу... Тащи скорей!..

Василиса принесла отпотевший жбан хмельной браги, налила ковш и поднесла Ермаку. Казак утер бороду, перекрестился истово и одним духом осушил ковш.

– Добра брага! Ой, и добра с пути-дороги! – похвалил он и отдал ковш хозяйке.

Василиса затуманилась, иного ожидала она. Повела гладкими плечами и сказала Ермаку с укором:

– Ты что ж, мой хороший, аль порядков не знаешь? После браги отплатить хозяйке полагается!

– Чем же это? – полюбопытствовал Ермак.

– Известно чем! – жарко взглянула она ему в глаза.

Ермак переглянулся со станичниками и сказал женке:

– Я казак, родимая! Не миловаться и целоваться мчал сюда. Но уж так и быть, больно душевна ты и пригожа! – Он поднялся из-за стола, утер усы, обнял и поцеловал хозяйку. Василиса зарделась вся и с такой лаской глянула ему в глаза.

– Неужели с Волги уйдешь? Где же казаку погулять, если не на таком раздолье!

Ермак отстранил ее:

– Нет, родимая, не по такому делу нынче торопимся мы. Несем мы важную весть для русской земли. Укажи нам тропку, чтобы невидно-неслышно проскочить в Астрахань, да и сама уходи отсюда! Великая гроза идет...

Баба охнула, и на глазах ее блеснули слезы. Потом, справясь с собой, сказала:

– Ладно, казачки, выведу я вас на тайную тропку. Только Стожары в небе загорятся, и в дорожку, родные!

Богдашка сверкнул серьгой в ухе, перехватил ковш, и пошел он гулять среди казаков. Выпила и Василиса. Захмелела она от одного ковша и петь захотела.

– Хочешь, желанный, послушать нашу песню, – предложила она Ермаку. – Холопы мы, сбежали от лютого боярина, и песенка наша – э-вон какая!

Не ожидая ответа, раскрасневшаяся женка приятно запела:

Как за барами было житье привольное.
Сладко попито, поедено, похожено.
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегов потоптано,
Спинушку кнутом побито.
Допьяна слезами напоено...

– Ай да баба! Царь-баба! – закричали повеселевшие казаки.

– Не мешай, братцы! – попросил Ермак. – Видишь, жизнь свою выпевает, а от этого и на душе полегчает...

Женка благодарно взглянула на казака и еще выше понесла свою песню:

А теперь за бар мы богу молимся.
Церковь божья – небо ясное.
Образа ведь – звезды чистые,
А попами – волки серые.
Что поют про наши душеньки.
Темный лес – то наша вотчина.
Тракт проезжий – наша пашенка.
Пашем пашню мы в глухую ночь.
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим – слегою
По дворянским по головушкам.
Да по спинам по купеческим...

Хорошо пела женщина! И откуда только у нее взялись удаль и печаль в песне? И жаловалась, и кручинилась, и радовалась она. Закончила и засмеялась:

– И как после этого моим братцам на Волге не гулять. Эх вы, мои родные, оставайтесь тут...

– Нет! – решительно отказался Ермак. – Не до гульбы нам теперь, matka. Собирайся, братцы! – обратился он к станичникам. – Пора в путь. Ну, хозяйюшка, показывай дорожку!

Василиса вывела казаков на тайную тропку и медленно, нараспев, стала объяснять:

– Держитесь овражинок, там и дубнячок и орешинка, чуть что, укроется от вражьего глаза. Все идите и идите, не теряя Волгу, а там доберетесь и до перевоза. Оттуда рукой подать до Астрахани. Дед Влас на завозне²¹ вас доставит.

Казаки распрощались с женой. Долго она стояла на заросшей тропинке и смотрела, как покачивались ветки тальника.

– Эх! – мечтательно вздохнула Василиса. – Было бы мне годков на пять поменьше, пошла бы за ним! Сладок, кучерявая борода! – Она повернулась и нехотя побрела к скрытому куреню.

Между тем казаки забились с конями в самую глушь и отлеживались там до вечера. Время тянулось медленно. Чайки с криком носились над поймой; одолевали комары, но, несмотря на жуткий зуд от укусов, казаки, внимая голосам птиц, тихому шелесту тальника и еле уловимым шорохам, которые производили осторожные звери, покойно мыслили о своем. «Эх, бабы, русские бабы, везде вы одинаковы, стосковались по доброму слову да по ласке!» – думал о приветливой женщине Ермак.

Когда солнце склонилось к западу, станичники раздули костер, сварили уху и уселись в кружок. Безмятежный дымок костра, тихий вечер, аромат от ухи – все склоняло к мирной и долгой беседе, но приходилось торопиться. Надвигался вечер. Затих в дремоте тальник, неподвижен стал камыш, его острые листья не шуршат, не качаются пепельные пушистые метелки, умолкли птицы. На востоке уже показался хрупкий серпик месяца, и одна за другой стали вспыхивать бледные звезды. С реки потянуло сизым туманом. Свистя пролетели на заволжские озера утки. На высоком осокаре заухал филин.

– Ночной хозяин ожил, и нам пора убираться! – сказал Ермак и взнуздal коня. – Поехали, братцы-станичники!

И снова густая темная ночь охватила ватажку. Слева плескалась широкая река, справа лежала беспокойная степь. Двигались медленно, осторожно. И чудилось Ермаку, будто казаки стоят на месте, а звезды двигаются. Месяц посветил неуверенно и вскоре скрылся за холмы; еще темнее и таинственнее стало в степи, еще осторожнее и тише ехали казаки.

На другой день под утренним солнцем они заметили сияющие в голубом небе кресты церквей. На песчано-зеленом острове, раскинутом посреди полноводной Волги, виднелись строения, рубленые башенки и тянулись дымки к небу. И на всем огромном просторе колыхалось под утренним ветром зеленое море камыша. Проснулись птицы и кричали без умолку в кустах, в рощах. А вправо, на берегу, среди песков, виднелась избушка, и подле нее возился седенький старичок.

«Паромщик Влас!» – догадался Ермак и повеселевшим голосом крикнул:

– Вот и Астрахань! Поторопимся, станичники!

Казаки и без того нетерпеливо глядели на переправу. Услужливый дед устроил всех на паром, поплевал на ладошки и взялся за шест.

– Благослови, господи! А ну-ка, молодцы, помощи! – попросил он.

Казаки в охотку взялись за весла. Ударили раз-другой, и паром вынесло на стремнину; под веслами забурлила вода. Ермак залюбовался Волгой. В глубине синего неба таяли озолоченные солнцем нежные пухлые облака. Крепкий свежий ветер гулял на речном просторе. Кричали чайки. И все ближе и ближе остров. А навстречу плыли, раскачиваясь на легкой волне,

²¹ Завозня – паром.

сотни лодок: бусы, струги, беседы²². Среди них, разрезая воду, как лебедь медленно плыла расшива с распущенными белыми парусами.

«Вот она Астрахань, ближняя дорога в Бухару и в Персию! – с гордостью думал Ермак. Вдруг мимо его уха пропела стрела. – Ах, супостат, вор-ногаец выпустил из камыша, да опоздал!» – догадался Ермак.

Дед Влас тряхнул бородашкой:

– Счастливый ты, казак: гляди, и стрела не берет тебя! Долго жить будешь!

Казак в ответ только блеснул смелыми глазами.

4

Станичники свели с парома своих, привычных ко всему, коней.

– В добрый час, детушки! – напутствовал их паромщик Влас.

– Спасибо, дедко, на добром слове! – отозвался за ватагу Ермак и вскочил в седло.

Конная ватажка потянулась в город. Издали он казался пестрым и красивым: блестела лазурь минаретов, сверкали куполы церквей, а в синем небе белыми хлопьями летали голубиные стаи. Из Заволжья в лицо пахло сухим горячим ветром. Ермак осмотрелся... Вдали за островом желтели золотые пески, а на полдень уходила к морю могучая река. По ней и пролегла оживленная торговая дорожка! Из восточных стран – Бухары, Хивы, Ирана и далекой сказочной Индии – через Астрахань на Русь шли разнообразные товары, пряности и диковинные фрукты. Сюда на своих парусных судах сплывали и русские купцы за красной рыбой, сарацинским пшеном²³ и превосходной солью. Из московских земель стекались сюда богатства, которые высоко ценились во всем свете. Шли сюда крепкие кожи, мягкие дорогие меха – соболиные, горностаевые, черные лисьи с серебристой искрой, беличьи. Привозили русские купцы в Астрахань в липовых бочонках чистый, как слезинка, сладкий мед, белые холсты, охотничьих птиц – соколов и кречетов, до которых падки были восточные властелины.

Казак ожидал встретить богатый, нарядный город, пышность и величавость и сильно изумился, когда вместо ожидаемого перед ними раскрылось скопище глиняных хибар, без окон, с плоскими крышами. Вдоль речных протоков Кутума и Балды тянулись узкие кривые улицы, за ними высился насыпной вал, а дальше – бревенчатый тын, увенчанный по углам рублеными башнями.

«Крепость!» – догадался Ермак и направился с ватажкой в сторону большой башни.

Конники углубились в узкие улочки. Был ранний час, но город уже проснулся и жил кипучей жизнью. Всюду над мазанками вились дымки, пахло горелым кизяком. Вдоль грязных немощеных улочек неторопливо стекали мутные ручейки, изрядно пахло гнилой рыбой. На плоских крышах спозаранку сидели укутанные в черные покрывала женщины и со скрытым любопытством наблюдали за проезжими.

Богдашка Брызга не удержался, вскинул голову и окрикнул татарок:

– Айда-те, милые, с нами! Гляди, какие очи горячие, а сама прячешься. А ну, выгляни, бабонька!

– Не надейся, не выглянет! Инако и нельзя, оскоромится, – насмешливо отозвался лихой станичник.

Из-под копыт коней поднялись тучи пыли и заволокли мазанки, улицы и любопытных мусульманок. Где-то наверху, с минарета, мулла выкрикивал слова утренней молитвы:

– Ля иляга илля ллагу!..

²² Беседы – ладьи.

²³ Сарацинское пшено – рис.

Призывы муллы смешивались с ревом ослов, с воплями погонщиков верблюдов, тянувшихся караваном в теснине среди хибар.

Ватажке приходилось часто останавливаться и подолгу пережидать, чтобы разъехаться с караванами. Дорогу нередко преграждали обозы – вереницы арб на огромных колесах, с ужасным скрипом продвигавшихся к торговой площади, к видневшемуся издалека караван-сараю.

В открытых настежь лавчонках раздавался дробный стук молотков – медники гремели металлом, оружейники в раскаленных горнах плавилы железо. Сидя на низеньких скамеечках, башмачники проворно тачали цветные башмаки и туфли с загнутыми кверху носками. Из кузницы разносился оглушительный грохот и лязг. Тут же, у лавок и мастерских, бродили всклокоченные бездомные псы, с хриплым лаем сопровождавшие казачью ватажку.

Ермак много перевидал на своем веку, но такая смесь и пестрота ошеломили его. Вот и шумная площадь распахнулась перед крепостным валом.

– С дороги! С дороги! – выкрикивали оглушенные гамом казаки, но пестрая многоязычная толпа бурлила вокруг, не боясь быть истоптанной. Вертясь у лошадиных копыт, резко выкрикивали свой товар продавцы воды и восточных сладостей. Зазывали к себе мясники, из лавок которых удушливо пахло кровью и прокисшими кожами. Зазывали персы – продавцы невиданно красивых ковров. На легком ветре колебались и переливались всеми цветами радуги развешенные для приманки пестрые ткани: атласы, голубой артагаз, черный шелк и тафта червчатая, алая, багряная, зеленая... Глаза казаков разбегались, а продавцы ласково расхваливали свои товары:

– Ай, карош! Ай, красивый!..

Только одни чернобородые персы-менялы с невозмутимым видом сидели у маленьких разновесов, готовые в любую минуту обменять бухарскую теньгу на русский ефимок. Да еще торговцы драгоценными камнями важно восседали у своих лавок и пытливо разглядывали прохожих. Не всякому они показывали свое добро, скрытое в каморке за кованой дверью. Оборванные нищие, худые и босые, протягивали костлявые руки и вопили о подаении.

И кого только на площади не было: и персы, и армяне, индусы и русские торговые люди, и просто гулебщики, сплывшие в Астрахань за удачей. И все это разноязычное, многоликое скопище суетилось, спорило, кричало, торопилось. Только гляди да поглядывай, а то, чего доброго, раздавишь кого конским копытом!

Еле пробрались казаки сквозь толпу, и тут у вала их властно окрикнул бородатый осанистый стрелец, с тяжелым бердышом в руке.

– Стой, кто едет?

– С Дона станичники с вестями! – сурово и независимо ответил Ермак.

– На Дону всякие люди есть, – ответил стрелец. – Толком сказывай!

Казаки разгорячились.

– Бей бородатого лешего! – вспыхнул Брязга.

– А ты попробуй, сдачу получишь! – внушительно ответил часовой.

Ермак протянул руку и, оборотясь к ватажке, сказал:

– Не кричать, братцы. Мы на русской земле и по государеву делу поспешили. Эй, честный воин! – обернулся он к стрельцу. – Скличь старшего!

Московский стрелец пытливо взглянул на Ермака и отошел сердцем.

– Скличу враз! – ответил он и, приложив к губам ладошку, зычно позвал: – Андрейка, поди сюда!

Из сторожевой будки вышел высокий статный молодец в голубом кафтане с кривой саблей на боку. Он дружелюбно спросил:

– Кто звал?

Ермак поклонился ему и сказал учтиво:

– Торопились мы с Дона с вестями к астраханскому воеводе. Тут на тычке не к месту о том толковать. Пропусти в крепость!

Андрейка огладил кучерявую бороду:

– Вижу – с дальнего пути люди. Что ж, милости просим. Айда-те, впускай донцов!

Медленно опустился тесовый подъемный мост. Широко распахнулись окованные медью ворота крепости, и казачья ватажка молчаливо въехала на широкую площадку, окруженную крепкими строениями...

Ермака с товарищами провели в каменную светлицу. Впереди легкой поступью шел все тот же стройный стрелец Андрейка. Он удивлялся казакам:

– И как вы только добрались до Волги: ведомо нам, что в степи ноне беспокойно, – ногайцы и татары помутились.

Ермак не успел ответить, так как распахнулась дверь и он переступил порог. В обширной горнице со слюдяными окнами разливался теплый золотой свет. От выбеленных стен свет усиливался, и в покое было приятно. За дубовым столом, низко склонясь, сидел подьячий с реденькой бородкой и усердно скрипел гусиным пером. При виде донцов он поднял голову и выжидательно уставился плутоватыми глазами в пожилого, но крепкого ратного человека, одетого в серый короткий кафтан с белой перевязью, за которой красовалась пищаль с золотыми насечками. На тесовой скамье лежала сабля.

Ермак быстро все охватил взглядом, оценил и понял, что перед ним стоит добрый воин. Андрейка торопливо шепнул:

– То и есть воевода Черобринской!

Астраханский военачальник поднял голову и пытливо оглядел станичников.

– Казаки! С Дона! – сразу определил он. – С хорошими или плохими вестями? Кто из вас старшой?

Донцы переглянулись, вперед выступил Ермак и поклонился:

– До вашей милости пожаловали. И как только сгадали, кто мы такие?

– Виден сокол по полету, а птица по перу! – крепким добродушным говорком отозвался голова крепости. – Тут, на краю света, всему научишься и всякого станешь примечать. На Волге, что на большой дороге: берегись да поглядывай! Ну, сказывай, казак, какое горе пригнало к нам?

– По воинскому делу, – сдержанно сказал Ермак и покосился на подьячего, который, прижмурив лукавый глаз, усердно слушал. – Уместно ли при сем лукавце речь держать?

– Это верно, лукавец, зело изрядный лукавец Максимка, хитер, но крест целовал на верность и тайну не вынесет из сей избы.

Подьячий сделал постное лицо и заскрипел пером.

Ермак сказал:

– Турский султан надумал Астрахань повоевать. Послал он большое войско. Ведет Касим-паша янычар, спагов, а с ними орда Девлет-Гирея.

Лицо воеводы омрачилось, глаза сверкнули.

– Вот как! Вновь поднялись! – вскричал он. – Сказывай, казак, дале!

– Двинулся Касим-паша с пушками и воинскими припасами на Дон, – продолжал Ермак. – Из Азова на каторгах все везли. Надумал паша Переволоку изрыть и донскую воду с Волгой породнить, да не пришлось...

– Пуп, что ли, надорвал? – усмехнулся воевода.

– Не по силам выпало, да и казаки степь пожгли, колодцы засыпали, а сейчас мы попалили все: пожаращем Касим-паша идет, поубавит силы!

– Спасибо, донцы! – поклонился станичникам Черобринской. – Поклон Дону! Догадывались мы о многом, а теперь все ясно. Скажи, сколько легких пушек захватил турский паша и сколь у него войска?

Ермак неторопливо, толково пояснил. Суровый взгляд воеводы перебежал на подьячего.
– Что жмуришься, яко кот. Пиши! – приказал он. – А вы, казаки, с дороги отдохните, а потом обсудим, что дале! Так, что ли?

– Так! – за всех согласился Ермак.

– Андрейка, сведи казаков в избу, накорми, напои да в баню их, пусть испарятся! – Воевода огладил седеющие усы и, подойдя к Ермаку, сказал: – Люб ты мне! – И остальным донцам: – Любы, братцы-донцы!..

Казаки ушли, а Черebrинской опустил голову, задумался. Знал он, что турки собираются на Астрахань, но смущало другое: почему обычно заходившие в город турецкие и бухарские корабли сейчас дошли только до устья Волги и выжидательно стали на приколе?

«Почему они на Астрахань не жалуют? Неладное, видать, затеяли! – тревожился воевода. – А ногайцы и того хуже – кишмя кишат подле крепости, на торжках да в караван-сараях много чужого люда появилось. Ну, теперь погоди, не так дело повернется!» – Воевода тяжело заходил по комнате:

– Ты, Максимка, кличь приставов! Очистить город от вражьего племени!..

В тот же день на крепостном валу усилили караулы, по улицам и базарам засновали конные разъезды, которые хватали всякого подозрительного и вели на допрос.

Когда казаки умылись и насытились, их потянуло ко сну. Но спать не пришлось: в слюдяных оконцах вдруг зарделось зарево.

«Пожар», – тревожно догадался Ермак и распахнул оконце. Над городом пылали языки пламени.

– Что случилось? – спросил он приставленную к донцам стряпуху. – Горит, а набата нет? Баба спокойно отозвалась:

– Посады палят. Ногайцев набилось видимо-невидимо, за лето понастроили без спросу хибар. Вот и выжигают нечисть!

Ермак натянул кафтан на широкие плечи, привязал саблю:

– Пойдемте, братцы, поглядим.

Казаки пешком обошли город. Как быстро все переменялось! Базар опустел, затих, вокруг стало пустынно. На окраине с треском пылали мазанки. Здоровенные бородачи-стрельцы, напирая на ордынцев, гнали их прочь от города:

– Кто дозволил вам быть тут?..

На улицах взволнованно жался народ, бирюч выкрикивал:

– Торговым людям, кто бы он ни был и какой веры ни значился, ущерб не будет. Русь торговала и торговать будет со всеми. А ныне Астрахань – крепость русская, и лишнему человеку тут не место. А вора и злодеям, кто замыслит измену, – смерть!

На другой день и впрямь поймали переметчиков-ногаев, которые добирались со складов с зельем и хотели поджечь их. Ногайцев допросили и повесили на устрашение врагам. Усилили караулы. На валах темнели жерла пушек, расхаживали стрельцы с бердышами. И всю ночь на башнях крепости перекликались караульные:

– Славен город Москва!

– Славна Астрахань!

– Славен Нижний Новгород!

В темноте да в тишине перекличка звучала торжественно и строго: чуялось, что в крепости действует сильная и крепкая рука.

Ермак с казаками приметили, как дородный и ладный Черebrинской на своем высоком и сером аргамеке объезжал остров и поторапливал стрельцов:

– Живей, живей, служивые! Нам ли бояться орды? Стояли и стоять будем на русской земле!

Вечером над Астраханью появились крикливые стаи воронья; они унижали кресты церквей, деревья, частоколы крепости. От их карканья становилось тошно на душе.

– Точно на падаль слетелись, – с досадой сказал Ермак. – По всему видать, Касим-паша близко!

Догадка подтвердилась. На берегу Волги стрельцы подобрали паромщика Власа. Он лежал уткнувшись лицом в землю, а между худых лопаток торчала оперенная стрела. Старик тяжело дышал и, когда его поднимали, вымолвил:

– Понуждали переправить дозорных, а я паром угнал. Да не уберегся малость. Ну что ж, пожил свое и на том хвала господу!

Старика не донесли до крепости – скончался в дороге.

На закате над Волгой разнесся шум. Толпы народа вышли на вал и на берег реки. Над степью плыли тучи пыли – тысячи турецких, татарских и ногайских конников тянулись по прибрежной дороге. Доносились гортанные голоса и ржание коней.

В народе гомонили:

– Касим-паша идет...

– Добрался, окаянный, до Волги, теперь коней напоит в русской реке!

В толпе стоял Ермак и вместе с другими кипел гневом.

– Пришел Касим-паша с конями на Волгу, а уйдет без них, – твердо выговорил он. – Конец ему тут! Стояла и будет стоять здесь русская земля!

– Ой, верно говорено! – отозвались в народе.

А вороны тем временем с великим граем покидали Астрахань и летели навстречу вражью войску, опаленному солнцем, закопченному дымом, запыленному, усталому и уже потерявшему веру в победу. Словно чуяло воронье, где можно будет пожитья.

Глава четвертая

1

Первого сентября Касим-паша с поредевшим войском подошел к Астрахани, но не посмел с ходу броситься на город, а раскинулся станом на древнем Хазарском городище. Ночью над Волгой зажглись тысячи костров, ярко пылавших в густой ночной тьме. По воде далеко разносилось конское ржанье. Воевода Черевринской в темном кафтане безмолвно стоял на валу и вглядывался в сторону городища. До утра не прекращался гул в турецком стане, слышался топот конницы, вспыхивали и пламенели все новые и новые костры. Казалось, ими были усеяны все рынь-пески, и блеск их сливался со сверканием звезд.

«Ногайская орда подошла!» – догадался воевода, но хранил хладнокровие. Показав на костры, он сказал окружавшим его:

– В пешем бою ордынцу не взять русского, а на крепости и подавно зубы поломают!

Ермак, которого за воинскую доблесть приблизил к себе воевода, уклончиво ответил:

– И пешие перед конными бежали, и крепости рушились. Главное – в духе воина!

– Правдивые слова! – согласился Черевринской. – Бесстрашный да умный воин крепче камня и дубового тына.

А огни на равнине прибывали, будто звездное небо роняло их на землю. Топот не смолкал. Только к утру все стихло, и, когда рассеялся туман, астраханцы увидели тысячи юрт и табуны коней. Солнце казалось тусклым в сизом дыму костров. Сотни челнов раскачивались на легкой волне. Словно по мановению невидимой руки, на берегу выросли толпы ордынцев, пеших и конных. Пешие с гомоном забирались в ладьи, а конные потянулись по берегу.

На крепостном валу закричали:

– Орда плывет, готовь встречу!

Ермак выбежал из дозорной башни, за ним – казаки. Среди стрельцов степенно расхаживал воевода.

– Пушку «Медведицу» навести на стремнину! – наказывал он пушкарям. – Как выплывут громадой, угостить их ядрышком!

У берега, на приколе, стояли сотни бусов, малых стругов, а подле суетились ратные люди. Завидя это, Ермак стал просить:

– Дозволь, воевода, нам на реке с баграми погулять!

– Гуляй, казаки! – разрешил Черевринской. – Люблю потеху да удадь. Только гляди, сноровкой да умом бери, а плыть, когда «Медведица» песню отрвет!

Станичники кинулись к берегу, раздобыли багры. В буераке толпились астраханские женки и кричали со слезами:

– Ой, плывут нехристи! Ой, плывут по наши душеньки!

– Цыц, дурашливые! – прикрикнул на них Ермак. Взгляд его был грозен, женки сразу присмирели.

Ордынские ладьи, толпясь большой утиной стаей, выплыли на стремнину. Шальная Волга разом подхватила их и понесла. Многие суденышки оторвались от стаи, и, как ни старались гребцы, их завертело, потянуло к морю.

– Ай-яй! – разносились по реке крики. И, как бы в ответ, вдруг рывкнула «Медведица».

– Ишь ты, знатно-то как! Голосиста! – одобрили казаки.

Ядро хлестко ударило в ордынскую ладью, и сразу от нее полетели щепы, заголосили люди. Очутившись в быстрине, уцелевшие хватались за борта соседних ладей и опрокидывали их.

– Эко, крутая каша заварилась! Ой, и воевода! – похвалил Ермак и поднял багор, намереваясь вскочить в струг. Но Брызга удержал казака:

– Поостерегись малость, Тимофеевич, еще не отгудела свое «Медведица».

И тут опять ударило из пушки. Брызги сверкнули искрами, и пуше прежнего завопили ордынцы. Кружившие по воде отделились стремнине, другие загребали к берегу.

Конники спустились в Волгу и поплыли, держась за гривы коней. Опять рывкнула пушка и на сей раз угодила по скопищу плывущих всадников. Тут уж Ермак и казаки не ждали. С баграми они бросились к стругам и дружно ударили веслами. Тучи стрел полетели навстречу, но казаки не уstraшились. Размахивая веслами, гребцы запели:

Эх, ты Волга, мать-река.
Широка и глубока,
Ай да, да ай да!
Ай да, да ай да!
Широка и глубока!

– Алла! Алла! – закричали рядом, и Ермак поднял багор.

– Братцы, бей супостата! – заорал он и, размахнувшись багром, изо всей силы ударил турка по бритой голове. Тот и не охнул, опрокинулся на борт и перевернул ладью. Вскоре река запестрела раздутыми цветными халатами. С оскаленными зубами, вопя, торопились отплыть от рокового места более сильные, но их хватили за плечи трусливые и, захлебываясь, в последней жестокой схватке затягивали в глубь быстрой стремнины. Там, где только что барахталось тело, на минутку вспыхивала и угасала мелкая крутоверть.

Крепко упершись ногами в устои ладьи, Ермак размахивал багром, крушил вражьи головы, опрокидывал челны. Ему помогали братья-казаки, так же яростно орудуя баграми.

– В Астрахань заторопились... а ну-ка остудись, подлая башка! – кричали донцы.

– Бачка, бачка! – вопили ногайцы. – Мы свой!

– Ага, в беде своим назвался! Ах, окаянный переметчик!

На бугорке, на белом аргамаче, отмытом в волжской воде, в пышном плаще, сидел Касим-паша и наблюдал за переправой. Он выкрикивал что-то конникам, но что могли поделать они? Стремнина уносила многих из них в синюю даль, многие гибли тут же на глазах. Воды Волги покрылись телами воинов, плывущими конями, за хвосты и гривы которых цеплялись десятки рук и тянули животных на дно.

Поодаль от Касим-паши у шатра стоял Девлет-Гирей, хмурый, с замкнутым лицом. Три сына его – царевичи – молча следили за отцом. Он долго и упрямо молчал. И когда могучее течение Волги смыло последнего всадника, махнул рукой и сказал с горечью:

– Зачем было идти к Итиль? Я говорил...

Немногие ордынцы добрались до астраханского берега, и тут женки полонили их. Мокрых, посиневших они погнажи их в крепость.

– Пошли, пошли, вояки!

Навстречу женщинам выехал воевода на вороном коне. Веселым взглядом он встретил женок:

– Это откуда столь набрали бритолобых?

– Торопились, вишь, в Астрахань, да обмочились с испугу. К тебе гоним, воевода, на суд праведный!

– Ай да женки! – похвалил Черებринской. – С такими не погибнешь!

– А мы и не думали умирать. И Астрахань не уступим!

– А кто ревел со страху в овражине? – лукаво спросил воевода.

– А мы для прилику... Как же бабе да без слез! Уж так издавна повелось, не обессудь...

2

Касим-паша медлил, не шел на штурм Астрахани. Тем временем перебежчики сообщили воеводе: на старом Хазарском городище, на Жариновых буграх, турецкий полководец начал возводить деревянную крепость. Когда-то очень давно, тысячу лет тому назад, на этом месте располагалась столица Хазарского царства – Итиль. Ныне от нее остались заросшие руины – рвы, ямы, холмы битого кирпича и черепицы да забытые гробницы, многие из которых сейчас разрыли турецкие спаги, раскидав кости и похитив погребальные чаши и другие ценности, схороненные вместе с покойниками.

На западном, нагорном, берегу Волги, в двенадцати верстах выше Астрахани, стал расти новый город. Желтые рынь-пески усеялись тысячами юрт, над ними целый день вились синие дымки. Ветер доносил стук топоров, звуки зурн и мелкую дробь турецких барабанов. Дни стояли теплые, голубые. Над Волгой летали белые чайки, а выше их реяли орлы-рыболовы.

По ночам лагерь озарялся множеством огней, и ордынцы, сбившись вокруг костров, в больших черных котлах варили конину и вслух роптали на Касим-пашу. Недовольны были и ногайцы, согнанные князьком-изменником в турецкий стан. На противоположной равнине подсохли пушистые метелки ковыля, трава побурела. Надвигалась осень, а с нею и пора откочевки на свежие нетронутые пастбища, на тихие просторы, где табуны и отары овец могли перебиться в холодную и вьюжистую зиму.

Все это радовало воеводу, но он задумчиво хмурил темные брови. Хотя кругом кипела горячая работа – обновляли палисады, крепили заплоты, подсыпали повыше валы, жгли камыш в низких местах острова, чтобы не дать приюта незваному гостю, а по улице то и дело раздавался топот конных разъездов, день и ночь караулили надежные заставы, – все же на душе Черebrинского было беспокойно. Хотя и храбры стрельцы и охочие астраханские люди, а все же малочисленны. Огромная орда могла в любую минуту скопищем броситься на Астрахань и подавить гарнизон своей тяжестью. Не боялся воевода лечь костями за родную землю. Знал, что и другие не уступят ему в храбрости, но умереть под мечом врага легче, чем выстоять. А выстоять надо, если даже не придет помога!

Свою тревогу Черebrинской таил глубоко. Каждое утро он обходил крепость и город. Вид его был величав и покоен. На нем были сапоги, расшитые золотом, красные штаны, белый зипун, а поверх желтый кафтан с длинными рукавами, которые можно собирать или распускать по желанию, на боку поблескивала богато украшенная самоцветами сабля.

Неспешно поднимался он на вал и смотрел на далекий волжский берег, где за серебристым туманом угадывался вражеский лагерь. После этого он спускался с вала и медленно пешком шел к другим местам обороны. За ним, в отдалении, двигались меньшие воеводы в лиловых кафтанах, старосты и тиуны. Хозяйским глазом воевода замечал все и тут же приказывал исправлять оплошности. Своим внушительным видом он вселял уверенность в народе. В городе все шло своим чередом: озабоченно работали в мастерских, у распахнутых настежь дверей, а то и вовсе под открытым небом, шорники, седельники, ткачи, жестяники, веселые кузнецы, портные. На торжках по-прежнему кричали и божились торговцы, клялись покупателю, что продают товар себе в убыток. При виде воеводы толпа почтительно расступалась.

Пройдя базар, Черebrинской направился в церковь. Шло богослужение, звонили колокола, на паперти толпились нищие, и среди них слышалось пение юродивого Алешеньки. Он гнусавил:

Идет божья гроза...
Горят небеса
Огнем лютым...

Точатся ножи.
Всякий час дрожи...

Разевая беззубый гнилостный рот, сверкая впалыми глазами фанатика, обнаженный до пояса, с тяжелыми веригами на костлявой груди, юродивый производил на толпу гнетущее впечатление.

Заметив это, воевода решил убрать «сего завывальца». И без него нерадостно было.

Воевода нуждался в Ермаке, в его твердых и умных советах, и поэтому казак почти всегда сопровождал Черebrинского в обходах. Однажды Ермак не явился на зов воеводы, и как ни искали его стрельцы, но вернулись ни с чем. Между тем атаман сидел в укромном куту, на юру острова, под опрокинутым стругом, и наблюдал за рекой. Над Волгой плыл туман, и в нем давно заметил казак одинокую лодку, пересекавшую быструю стремнину Волги. Струйки воды разбегались в стороны; худой, большеносый человек, воровски оглядываясь по сторонам, старательно греб к острову. Кругом было тихо и безлюдно. Незнакомец, видимо, хотел быть незамеченным. Челн ударился носом о песок, прибывший выскочил и, хоронясь, пошел к посадку. Был он долговязый, с небольшой головой и рыжей бородой.

Ермак пошел за ним следом. Человек шмыгнул в заросли нескошенной полыни и исчез. Но Ермака трудно было обмануть, он не потерял его из виду. Человек тенью скользнул в кривой переулочек и очутился на торжке. Нырнув в толпу, он вертелся в ней, вслушивался и что-то говорил. Одному из бухарцев подмигнул, другому словцо бросил, а с третьим – задержался. По всему было видно, на Торжке он свой человек. Шаг за шагом казак шел за неизвестным, и когда тот возле караван-сарая собирался снова нырнуть в толпу, опустил на его плечо тяжелую руку.

– Стой! – грозно сказал Ермак.

– Зачем стой? – вздрогнув, спросил незнакомец.

– К воеводе пойдем!

Человек побледнел, растерялся, но скоро справился с собой.

– Для чего же к воеводе? Будет время, я и сам к нему пойду.

– Вот и пойдем!.. Расскажешь там, как сюда попал. Да живо! Будешь упираться, зараз башку сниму!

Неизвестный оглянулся, как бы ища поддержки, но потом, что-то сообразив, решительно зашагал впереди казака. Видно было, что он не раз бывал в городе, так как хорошо знал дорогу. Он гнулся и часто хватался за грудь, словно нес под халатом тяжесть.

Воевода вернулся из церкви и стоял перед открытым окном. За спиной его скрипел пером подъячий Максимка.

– Эге, да вот и станичник! – воскликнул Черebrинской, заметив Ермака. – Да он и не один. Гляди, какого шута тащит сюда!

Дверь распахнулась, и Ермак втокнул незнакомца в горницу. Человек не растерялся. Казалось, он только и ждал этой минуты. Втянув голову в плечи, он засиял и затараторил:

– Ой, ласковый боярин, ой, пресветлый князь, какое дело есть!

– Кто ты такой?

Воевода с удивлением разглядывал пленника.

– Прикащик я! Оттуда... – неопределенно махнул рукой незнакомец. – Я прошу тебя, великий пан, выслушать меня. Только пусть уйдут все!

– Да говори при них! – приказал воевода.

– При других нельзя, боярин. Тут такое... что надо один на один!

– Ты что, прибылый? – спросил воевода, подозрительно косясь на приведенного.

– Прибылый... К твоей милости!

– Ты не брешешь, сукин сын? – сердито выкрикнул воевода. – Смотри, коли что, болтаться тебе на крюке! Ну что ж, послушаю, коли так, – помедлив, согласился он. – Вы, люди добрые, оставьте нас! Коли что, позову.

Подьячий послушно юркнул за дверь, а Ермак, выходя из горницы, недовольно подумал: «И что только надумал воевода? Да сего приказчика надо в мешок и в Волгу. Видать сову по полету!»

За дверями царила тишина. Изредка доносился низкий бас воеводы. Подьячий неугомонно вертелся подле казака.

– Шишиги турецкие заслали, непременно! – не мог успокоиться он. – Доглядчик!

– Откуда знаешь? – пытливо посмотрел на него Ермак.

– На своем веку немало перевидел ворья да изменников. По мурлу вижу – вертится змея!

Подослан!

Между тем в горнице продолжался свой разговор. Воевода прошел к столу и строго спросил:

– Ну, так сказывай, кто ты и зачем подослан?

– Ой, великий пан, разве невдомек, зачем я пожаловал? – маслянистыми глазами обласкал Черebrинского рыжий. Он потянулся и осторожно дотронулся до плеча воеводы. Тот брезгливо отодвинулся:

– Не тяни. Сказывай.

Человек на цыпочках подошел к воеводе и зашептал:

– Боярин, я пришел от Касим-паши!

– Как смел! – вскипел воевода.

Незнакомец пожал плечами:

– Посланец я! Вельможный пан хочет есть хлеб, и я хочу. А потом, потом...

Пленник закопошился, полез в карман своего халата и, вынув оттуда кожаный мешочек, положил его на стол.

– Это все лобанчики, золотые лобанчики! – горячо зашептал он. – Берите, великий и ласковый князь! Это все ваше теперь... Касим-паша прислал...

– Почему ж это мое? – тихо, с угрозой спросил воевода. И, погасив свой гнев, повторил: – Почему же это мое?

– За услугу, пан! Совсем мало надо от боярина, совсем мало! Надо, чтобы он бросил Астрахань и увел стрельцов! Даже драки не будет, и все будет хорошо.

– Ах ты дрянь! – сжал кулак воевода.

– Ой, боже мой, да я же не все выложил! – засуетился подосланный. – Вот еще немного. – Он вытащил и положил перед воеводой второй мешочек. – Тут все золото! А после будет еще...

– Мало! – рявкнул воевода. – Клади еще!

– Больше пока нет! – согнулся в дугу подосланный. – Отпусти, боярин, еще принесу, только скажи, что все будет так, как просит мудрый Касим-паша...

Воевода схватил мешочки, развязал их и опрокинул на стол. С веселым звоном посыпались золотые лобанчики. Были тут и польские червонцы, и турецкие лиры, и бухарские тенги. Глаза рыжего заблестели...

– Ах ты вор! – загремел вдруг воевода. – Эй, люди!

Ермак мигом сорвался со скамьи и бросился в горницу. За ним протрусил подьячий.

– Гляди, казак, зри и ты, крапивное семя! – крикнул им Черebrинской. Размашистым шагом он подошел к рыжему. Вид его был грозен. – Эх ты, продажная шкура, шинкарь! Думал русского человека за лобанчики взять? Ан нет, русская душа не продается! – Он ткнул ногой в побледневшего турецкого посланца и гаркнул: – На дыбу этого шельмеца! Пытать его! А ты, Максимка, отпиши лобанчики на государеву казну!

– Вельможный пан! – взвизгнул подосланный. Но Ермак уже сгреб его за плечи и швырнул из горницы в руки стрельцам.

3

Русский посол Мальцев продолжал томиться в неволе. Он совсем отошал, захирел, но не падал духом. Полоняник присматривался ко всему, что творилось в турецком лагере. На ранней заре турок и татар будила частая дробь барабанов. Щелкая бичами, старшины гнали их на работу. Они шли, как вола в ярме, тяжело опустив головы, и громко роптали. Вскоре раздавался стук топоров, скрип арб – тысячи ордынцев начали строить деревянную крепость. Мальцев радовался: «Коли свой городок возводят, значит Астрахань не по зубам!»

Вместе с ордынцами гоняли на самую тяжелую работу и невольников. Донские казаки-полоняне шли с песней. И песня эта щемила сердце Мальцеву. Невольники пели:

Ой, вызволи, боже, нас всех, бедных невольников.
Из тяжелой неволи.
Из беды басурманской.
На ясные зори,
На тихие воды,
На край веселый.
На мир крещеный!

Не мог утерпеть Семен, подпевал и он. Голос у него слабый, скрипучий, но от песни легче становилось на душе.

Сыновья Девлет-Гирея, царевичи, облаченные в ярко-алые кафтаны, с кривыми ятаганами на поясах, в сапогах из желтого сафьяна, кроенных по-астрахански, из любопытства пришли к пленному русскому послу. Он сидел на земле, прикованный тяжелыми кедолами²⁴, при появлении татар горделиво поднял голову.

– Рус, плохая твоя песня. Ты кричишь, как старый гусь на перелете! – насмешливо сказал старший царевич.

– погоди, золотце, и тебя Касим-паша доведет, затянешь тогда перепелом!

Братья переглянулись: несколько не пуглив русский. И как он угадал их неприязнь к турецкому паше?

– Ты, наверное, не знаешь, кто мы? – заносчиво спросил царевич.

– Как не знать! – незлобиво ответил Мальцев. – Вижу – пришли сынки хана Девлет-Гирея. Все вижу, царевичи.

– Что же ты видишь, рус? – с насмешкой спросил самый младший царевич, тонкий станом и большеглазый.

Пленник уставился в его бараньи глаза и сокрушенно покачал головой:

– Эх, милый, твоя участь хуже моей! Красив ты, и твои братья царевичи пригожи! А что толку из того? У хана сыновей много, разошлет он вас по бекам, и будете вы ни сыты и ни голодны. Участь ваша – скитаться с места на место, как перекасти-поле. В толк не возьму, зачем смелым джигитам идти за хвостом коня Касим-паши?

– Молчи, холоп! – оскалил острые мелкие зубы старший царевич и схватился за рукоять ятагана.

²⁴ Кедолы – цепи.

– Я не холоп! – с достоинством отозвался Мальцев. – Я – посол русской земли. Меня не похолопишь! Это верно – башку снимешь долой, а что в сем толку? Я вот тебя жалею: ты храбр, пригож и, как соколу, тебе надо расправить крылья, ан и нельзя!

Царевич успокоился, ему понравилась толковая речь русского, и он попросил:

– Говори еще, говори!

– Сказать-то особенно нечего. Сидишь тут, яко пес на цепи, и все думаешь. А думки вдаль глядят. Ну что, если Касим-паша возьмет Астрахань, вам легче будет, царевичи? Ой ли! Турки всех крымских татар покрепче к себе привяжут. Вот как прижмут! – Крепко сжал кулак Мальцев. – Одна вам, молодцам, дорога – в Москву. У русских найдется для вас честь и служба. Сам отец станет завидовать!

Царевичи примолкли. Старший вспомнил отцовы речи и подумал: «Русский прав, не надо добывать Итиль для хункера Селима!»

– А ты не боишься за свою голову? – спросил он вдруг у Мальцева.

– Бояться мне нечего! – твердо сказал полоняник. – Всех русских голов не срубишь. Одну срубишь, а за нее сотню спросят.

– Чего ты хочешь? – спросили царевичи.

– Меня не по чести задержали. Пусть отпустят.

Царевичи смутились: они были бессильны освободить русского посла.

На другой день Мальцева отвязали от пушки, и он мог в кедолах двигаться по невольничьему табору. Он ходил среди греков и валахов и упрасивал их:

– Чую, идет из Москвы сюда русская рать. И будет она крепко бить неверных, а вам в стороне, что ли, стоять? За поруганную землю свою встаньте заодно с русскими.

Измученные невольники с печальной улыбкой смотрели на неугомонного Мальцева. Валах, с темным, как земля, лицом, с хрипом ответил:

– Путь от Москвы далек! И пока придут русские, мы все будем лежать в поле и вороны поклюют наши очи.

– Русские уже близко. Чую топот их коней. Слышу, как по Волге русские ладьи плывут! – уверенно сказал Мальцев.

Неделю спустя, поздно вечером, в яму, в которой томился Мальцев, столкнули двух русских, и ордынец сковал всех троих на одну цепь. Когда поутихло, Мальцев спросил седобородого старика:

– Кто ты и как попал в полон? По одежде судить – духовного звания, отец.

– Угадал, родимый, – ласково ответил старик. – Келарь я из Никольского монастыря, что под Астраханью. И звать меня Арсений Чернец, а второй страдалец – Инка Игумнов, человек Кириллова. Схватили нас дозорщики Касим-паши, когда на ладье в камыши свернули...

Темная ночь простиралась над Хазарским городищем. Звезды пылали в осеннем холодном небе. Мальцев жадно схватил за руку келаря и прошептал ему:

– Коли такая доля выпала тебе, поможем Руси!.. Чуешь шаги ордынцев?

Возвысив голос, Мальцев спросил Чернеца:

– Ну, как в Астрахани? Оберегаются?

Шаги затихли: дозорщик потайно слушал, о чем говорят русские.

– Хвала богу, на Руси хорошо! – спокойно, басовитым голосом ответил келарь. – Не сегодня, так завтра ждут на Астрахани князя Петра Серебряного с дружиной.

Мальцев подмигнул, сжал крепко руку Арсения и вяло сказал:

– Ой, сомнительно что-то! Неужто будет?

– Уже гонец был. Идет с князем тридцать тысяч судовой рати, а полем государь отпустил воеводу Ивана Дмитриевича Вельского, а с ним сто тысяч воинов сюда торопятя...

Инка Игумнов разинул от изумления рот: «И чего врет отец келарь? Негоже монаху так!» Однако и его Мальцев осторожно торкнул в бок: «Молчи, молчи!»

Монах сладкоречиво продолжал:

– Видно, господь бог помиловал нас за молитвы. Слыхано, что и ногаи с нами будут, ждут только часа!

– Ой, и это хорошо! – радостно сказал Семен. – А как ки-зылбашский шах, что он думает?

– О, братец, пресветлый шах прислал к царю нашему послов бить челом: турецкого-де хункера люди мимо Астрахани дороги ко мне ищут, и ты бы, великий царь, сильной рукой помочь учинил нам на турецкого салтана.

– И что на это царь Иван Васильевич?

– Ведомо мне, сыне, до тонкости ведомо, из патриаршего двора писали игумену. Царь наш пожаловал кизылбашского шаха, послал к нему посла своего Олексея Хозникова, а с ним сто пушек да пятьсот пищалей. А всего и не расскажешь...

– Ой, братец, повеселил ты мою душу... Ой, как повеселил...

Тишина лежала над Волгой, в стане все спали, догорали костры. Мальцев обнял келаря и шепнул:

– Дай, отче, облобызать тебя. Понял ты мою горестную думку...

Тем временем преданный спаг докладывал Касим-паше:

– Ждут русские рать великую. Идет она на помощь Астрахани! Слышал сам, как шептались!

– Русские на выдумки хитры! Прочь с моих глаз! – рассердился Касим-паша. Спаг низко склонился и, пятась, вышел из шатра.

Случилось такое, чего не предполагал и сам Мальцев. На ранней заре в степи заржали кони, забили в барабаны, затрубили трубы. Мимо лагеря невольников проскакал, обливаясь кровью, янычар. Одно только слово и кричал с ужасом:

– Рус! Рус!

Еще не поднялось солнце, и на песке блестела роса, а вдали клубились тучи пыли и стоял великий шум. Только к полудню он утих. И дознался Мальцев, что воевода Петр Серебряный с дружиной и впрямь подошел к Волге, напал на передовые разъезды янычар и сбил их. Отвлекая внимание нападением на разъезды, струги с дружиной князя прорвались вниз по Волге.

Невольники – греки, валахи, русские – сбились в толпу и кричали:

– Сюда, братья! Сюда, братья!

Над Волгой колебался густой осенний туман, кричали на плесах гуси, носились белокрылые чайки. В турецком лагере никто не поднялся на работу. В этот день перестали сторожить крепость. Касим-паша вызвал к себе Мальцева. Два спага привели его в шатер турецкого полководца. Хилый и оборванный, он не склонил перед Касим-пашой головы. Смотрел смело и лукаво.

– Ну, вот и опять повстречались! – весело сказал турку Мальцев.

– Больше не повстречаемся! Я повелю отрубить твою голову! – насупился Касим-паша. Он стоял перед слабым пленником мрачный и злой. Но тот не струсил и ответил:

– Погоди грозить, паша! Ты еще не выбрался из русской земли. У нас всякое бывает. Глядишь, и сам в полон угодишь. А тогда и твоя голова сгодится на обмен моей...

– Ты груб! – сверкнул черными глазами турок. – Одно хочу знать, откуда ты узнал о русской дружине. И князя Вельского знаешь?

– Посол все должен знать! – степенно ответил пленник. – А с Вельским, может, и сам встретишься, коли обождешь его тут!

Шаркая мягкими сапогами по ковру, паша устало прошел к выходу и распахнул полы шатра. Сквозь туман заблестело солнце, издали доносились глухие шумы.

«Дружина Серебряного в Астрахань вступает», – догадался Мальцев и оживился. Не знал он, что Касим-паша думает сейчас о нем, о том, что, может, и впрямь будет полезен русский.

– Нет, не срублю пока твою голову! – раздумчиво сказал паша. – Ты пойдешь с нами в степь!

Мальцева увели, и весь день он с келарем и Игумновым томились незнанием, что с ними будет дальше. Безмолвие опустилось на турецкий стан. Турок – страж над пленными – вдруг присмирел, затосковал.

Поглядывая на Мальцева, он сказал:

– Горе нам! Спаги и янычары не хотят тут зимовать. Девлет-Гирей собирается уходить. Ах, несчастный я...

Ночью над Волгой и степью разлилось багровое зарево. По приказу Касим-паши турки подожгли возведенную деревянную крепость, и она жарко пылала, потрескивая и взметая ввысь снопы искр. Небо побагровело, казалось раскаленным от небывалого жара.

У белого шатра вороной конь Девлет-Гирея рыл копытами росистую землю. Сам хан сидел на ковре, поджав ноги, и говорил Касим-паше:

– Нельзя идти старой дорогой, все погорело. Поведу к Азову тебя Мудгожарской стороной, она не тронута, но пришла осень...

В голосе его звучали и горечь, и злорадство. Хан нагло смотрел в тусклые глаза паши и заверял:

– Мудр и велик хункер! Он поймет, что мы опоздали в поход. Да простит его величие наши оплошности. Так угодно было аллаху!

Касим-паша склонил голову на грудь. Теперь ему все безразлично: судьба войска больше его не интересовала. Об одном он с ужасом думал: «В Азове может ждать его ларец султана, и в том ларце да вдруг – шелковая петля!»

А жить хотелось. Недвижимо он сидел в шатре и не знал, что сказать хану.

Девлет-Гирей поднялся и, прижав руки к груди, вымолвил:

– Да будет благословенно имя пророка, так начертано нам в книге Судеб, – пойдем в Азов! Повели войскам выступать в степь!

Касим-паша кивнул головой и с грустью посмотрел на Итиль-реку.

Высокий нубиец опыхалом навевал ветерок на голову паши, но властелин ногой оттолкнул нубийца и хрипло вымолвил:

– Передай, чтобы берегли русского посла. Он может пригодиться нам...

Касим-паша взобрался на своего аргамака и в сопровождении десяти спагов, огромного роста, в черных плащах, направился прочь от Волги. За ним, шлепая могучими мягкими ступнями по густой пыли и злобно вращая змеиными глазками, потянулись вереницей нагруженные верблюды. На одном из них, в золотистом паланкине, восседала очередная любимая наложница паши Нурдида. Продвигаясь в сизую даль, Касим-паша думал только об одном: как бы уберечь свою жизнь и гибкую плясунью – наложницу.

Вдали на холмах курилась пыль под копытами коней крымских ордынцев. По велению Девлет-Гирея они прокладывали путь через неведомые степи, по которым не прошел всепожирающий огонь. Сам крымский хан с тысячами татарских всадников прикрывал отступление. В последний раз на восходе солнца он разостлал на росистой земле коврик из простой кошмы и совершил утреннюю молитву. Она отличалась краткостью и жестокостью. В ней он просил аллаха послать гибель Касим-паше.

В последний раз блеснули воды Итиля, и полчища двинулись в бескрайнюю, безмятежную и безмолвную даль. Слева осталась великая русская река; с каждым часом угасало ее освежающее дыхание, и сухой, жесткий воздух все больше сушил легкие.

Касим-паша оглядывался по сторонам. Аллах, видимо, проклял эту землю! Небо в неумолимом гневе в летние дни спалило лежавшую перед ним пустыню. Желтые, сыпучие пески клубились и пересыпались под копытами коней. Ноги воинов уходили в зыбкий подвиж-

ный прах. Повсюду скользили серые ящерки, на бегу оглядывая пашу злыми изумрудными глазами.

Мертвая земля! Мертвая степь! Безмолвно кругом.

«Отчего молчат люди?» – с тоской подумал Касим-паша, и сердце его сжалось от вешего предчувствия.

Высохли все травы – и седовато-серая полынь, и бурьян, и солянки, все они рассыпались в пыль, и при движении полчищ эта пыль поднялась густой желтой тучей, которая на солнце отливала багрянцем. Пустынно. Вот мертвые бугорки земли, насыпанные у глубоких сусликовых нор. Ни звука, ни шелестка. Конь осторожно переходил по высохшему руслу речки, на дне которой валялись груды голых белоснежных камней, напоминающих высохшие черепа.

Смерть! Смерть!

Она таилась здесь, рядом. Рослый спаг поторопился утолить жажду. Сильными руками он сдвинул гольш и вдруг закричал от ужаса: перед ним шевелилось целое скопище скорпионов. Ядовитое насекомое быстро ужалило человека, и он на глазах стал темнеть и пухнуть.

Смерть! Смерть!

Казалось, открылось преддверие ада, и орды шли среди мрачной, безмолвной пустыни навстречу своей гибели. Повернуть назад – встретиться с русскими. Кто знает, что ожидает тогда?

За полдень, когда глаза привыкли к мертвым просторам, а слух – к гнетущему безмолвию, на душе стало спокойнее. Высоко в синем небе, роняя на землю нежные серебристые звуки, зыбким косяком пролетела лебединая стая. Она быстро удалялась на юг; сколько было нежной радости и жизни в ее родниковом журчании, невольно вспомнились весна и молодость. Касим-паша оживился, приободрился. Кстати прибежал нубиец и, падая на землю, передал желание наложницы сделать привал.

Касим-паша повелел остановиться и разбить белый шатер. Не ожидая, когда среди песков распухнет его сияющий купол, Нурдида сошла с паланкина и присела на обточенный ветрами и вешними водами большой камень. И вдруг у ног турчанки с тихим шелестом зашевелилась и подняла голову гадюка. Она колдовски, немерцающим зеленым взглядом смотрела на женщину. Нурдида вскрикнула и бросилась в степь, а из-под ног ее в стороны разбежались серые ящерки, и это еще больше увеличило страх наложницы.

Спаги изрубили змею, догнали Нурдиду и на руках принесли красавицу, укрыв ее тонкими шаями.

– Дальше, дальше отсюда! – испуганно и раздраженно закричала она.

И снова по велению Касим-паши караван двинулся в пустыню.

Вечером на бурой, солончаковой равнине неожиданно появились холмы, от которых протянулись длинные тени.

– Что это? – тревожно спросил Касим-паша у проводников.

Никто не смел ответить на вопрос полководца. Тогда призвали ордынцев Девлет-Гирея. Узкоглазый татарин, коричневый от загара, обветренный, приложил руки к сердцу и шепотом объяснил:

– Чумные могилы! По степи только что прошла чума. Умирили люди, падали кони...

– Откуда ты это знаешь? – злобно спросил Касим-паша. – Уже вечер, и воинам нужен сон. Татарин низко опустил голову, глаза его испуганно забегали.

– Ни-ни! – со страхом сказал он. – Ночь темна, до месяца далеко, а в мраке они встают из могил и рыдают, печалются... Аллах да спасет нас от встречи с ними!

Повеяло предвечерней прохладой, и, несмотря на то, что солнце закатилось и наступили сумерки, полчища, объятые ужасом, заторопились дальше...

Но смерть настигла людей.

Первой внезапно заболела Нурдида. На нежном, выхоленном теле вдруг появились темные пятна, и на третий день она в корчах скончалась.

Касим-паша в скорби драл себе бороду, царапал лицо, но муллы гнали его прочь от застывшего тела наложницы. Они грозили.

– Это черная смерть! Она не щадит ни богатых, ни бедных. Прочь отсюда!

Пашу не допустили к могиле. Труп Нурдиды отказались пеленать, боясь прикоснуться к зачумленному телу, поспешно зарыли его и забросали камнями. Золотистый паланкин сожгли, а верблюда, который бережно нес красавицу, убили и бросили в яму. Но голодные воины обнаружили его, тайком растерзали, разнесли по частям и с жадностью съели.

Томили жажда и голод. Обессиленные люди падали, и мимо них с тупым безразличием проходили орды. Каждый думал только о себе.

Гибель шла по следам. К смерти от голода добавилась смерть от чумы. Зараза валила сотни людей. Они падали на привалах, застывали у забытых курганов, у солончаковых озер. Дорога усеялась трупами, которые клевали налетевшие стервятники.

Мучили и казаки. Они ватагами – по сотне, а то и более – налетали, тревожили орду, не давая ни отстать, ни воды испить. Касим-паша двигался день и ночь, а за ним поспешно двигалось охваченное ужасом войско.

Девлет-Гирей молча следовал за турками. И когда Волга осталась далеко позади, внезапно из балки вылетела казачья ватажка. Впереди всех на размашистом дончаке несли коренастый, плечистый казак.

Татарский хан вспомнил свою молодость. Он был природный воин, батырь. Не заботясь об охране, он повернул коня и вместе с царевичами и немногими ордынцами кинулся навстречу казакам. Как два вихря, столкнулись всадники, завертелись, и пошел гул по равнине. Злобно ржали кони, кружили, взрывали копытами землю, зубами хватили дончаков, злобась, с глазами, налитыми кровью, вставали на дыбы. Крымчаки с криками и визгом рубились, но падали под ударами казачьих сабель. Могучий конь Ермака подминал под себя поверженных. Размахивая тяжелым мечом, подзадоривая себя и коня криком, казак рубил противника наискось, разваливая его от плеча до паха.

Горе Девлет-Гирею!

Оберегая отца, царевичи схватили его лошадь под уздцы и увели от смерти...

Позади орды, погоняемые плетями, еле тащились невольники. Семен Мальцев шел скованный в одной паре с келарем Арсением. Монах был хил, слаб, седая бороденка побурела от пыли.

– Не дотянусь, умру, но то радует – бегут басурмане из русской земли! – сухими потрескавшимися губами шептал он.

– Пусть дохнут проклятые, а мы жить будем! – решительно сказал Мальцев. – Дойдем до Азова и сбежим. Не сдавайся, отче, бодрись!

Келарь с изумлением смотрел на пленника, покачивал головой:

– Гляжу на тебя и вижу одну тень человека, только очи сверкают жизнью. Откуда же такая сила?

– От ненависти к ворогу обрел я эту силу! Ух, сняли бы ке-долы, я показал бы им, иродам, на что способен наш человек! – со страстью вырвалось у Мальцева. – И ты, отец, думай о мести. Она укрепит дух твой!

– Пришел мой час, сыне, – тоскливо сказал келарь. – Вон до того кургана дотянусь, а там и кости сложу... – Слезы потекли по его желтым щекам. Пыль черным пеплом ложилась на лицо и мешалась со слезами. – Велик и силен русский человек! Он вечный труженик на отчей земле, всю пашенку за сохой обходит, грады и села из пепла и запустения после татарвы поднимает, ему бы ликовать да радоваться, а он бедствует. Ордынцы, турки да паны рушат его жизнь!

От слабости старик говорил чуть слышно. Семен держал его под руку. Худой, изможденный, в грязной, рваной рубахе, прилипшей к костлявым лопаткам, Мальцев, однако, держался гордо. Большие воспаленные глаза его полыхали ненавистью.

– погоди, отче, Русь устоит против всех бед! – уверенно сказал он. – Мы трудолюбые великие, выдержим все напасти! Одно жаль, жизнь коротка, мало человеку отпущено.

На исхудалом лице келаря появилась слабая улыбка.

– И в малом русский трудяга успеваешь сотворить великое. Поведаю тебе, сыне, предание одно. В рязанской земле усердствовал отрок один – Переяслав. Мал был, а лучше его никто кож не дубил, не выминал. Кожемякой посадские и кликали. Один раз, работая, он рассердился, не ладно выходило, схватил отменную бычью кожу и разорвал, – такой великой силы был человек... Взял его великий князь Дмитрий Иванович в поход, в степи. Там сошлись два войска. И вышел из вражеской рати высокий, жилистый печенег и вызвал на единоборство. Все убоялись, а рязанский отрок вышел и схватил спесивца, оторвал его от земли, да так к своей груди прижал, что печенег дух испустил. Ударил его отрок о землю и изрек: «Не я побил тебя, а Русь! Сила в ней неисчерпаемая!»

– Вот видишь, и ты крепись, отче! – повеселел Мальцев и, подбадривая келаря, повел его по дороге.

К вечеру они еле добрались до кургана. Солнце раскаленным ядром закатилось за синюю гору. Келарь упал и, несмотря на уговоры Семена, не поднялся больше.

– Тут и уложи в могилу: место приметное! – прошептал он. – А кедолы сбей с меня, хочу лежать свободным...

Рано спустились сумерки, а за ними сразу навалилась кромешная тьма. Где-то завывали чекалки²⁵. Келарь больше не открыл глаз, лежал тих и недвижим. Мальцев еле упрямил ордынца сбить кедолы с ног старца, сам вырыл ему могилу и похоронил.

И опять в толпе невольников, но только уже без напарника по цепи, ковылял Мальцев за нестройным войском Касим-паши. Не стало теперь полчищ, все в орде перемешалось; переходили кони, истомились люди, и у всех было одно желание – утолить жажду.

Но воды не хватало. Пыльные, костлявые люди шли, шатаясь, озлобленно жалуясь:

– Аллах не пошлет нам удачи: несчастлив наш хункер. От него все беды...

Касим-паша мрачно оглядывался на редкую орду. Где сильные и злые янычары? Отчего они молчат?

На Белом озере бегущих встретили гонцы султана и литовский посол. Они мчали на сильных конях. Караван верблюдов был увешан турсуками со свежей водой. Слуги бережно везли сухое мясо, фрукты и сыр.

Одетые в белоснежные плащи и чалмы, гонцы султана торжественно остановились на дороге. Среди них на тонконогом сером жеребце красовался светлоусый, с гордой осанкой, литовский посол Ягнус. Встревоженными глазами он разглядывал странное зрелище на него, словно из загробного мира, двигались исхудалые, костлявые люди, бредившие на ходу. Они приближались, как призраки, безмолвные и страшные.

На потемневшем аргмаке навстречу послам выехал Касим-паша. Султанские гонцы закричали:

– Именем всемогущего аллаха и пророка его, да прославится мудрейший хункер Селим! Слушай, верный раб, мы принесли весть тебе счастливую. Приготовься достойно выслушать ее!

Касим-паша сошел с коня, приблизился к послам султана и пал на колени.

– Алла, алла! Благодарю тебя, всемогущий, за счастье услышать повеление пресветлого хункера! О, благородные, огласите волю его.

Он пал ниц, и сердце его замерло в невыносимой тоске.

²⁵ Чекалки – шакалы.

«Петлю, петлю прислал хункер и вечный позор!» – с ужасом подумал паша и готов был разрыдаться, но в этот миг смуглый гонец в белом плаще, сверкая перстнями, развернул пергамент и прокричал:

– «Волею всесильного аллаха, слуга наш верный, Касим-паша, я твой повелитель и хункер повелеваю держаться под Астраханью до весны, а весной из Стамбула пойдет к тебе большая рать. А слуге нашему, крымскому бею Девлет-Гирею, будет положено идти после половодья походом на Москву!»

Кривая усмешка прошла по лицу Девлет-Гирея. В толпе приближенных Касим-паши он стоял на коленях и слышал все от слова до слова.

Паша поднялся и простер руки к небесам:

– О, я несчастный! Я прах под ногами моего великого хункера. Все свершилось по воле аллаха: чума и голод гонят нас отсюда. И нельзя новой рати идти к Итиль, пока не утихнет мор.

– Чума! – вскричал литовский посол Ягнус и вздрогнувшей рукой огладил русые усы. – То великая беда. Я не могу идти дальше!

Султанские гонцы переглянулись, глаза их трусливо забегали.

– Чума? – переспросил один из них.

– Чума и голод! – покорно склонил голову Касим-паша. – Глядите, что стало с моими воинами! – Он вспомнил золотистый паланкин, Нурдиду и еще печальнее закончил: – Черная смерть унесла у меня самое дорогое.

Гонцы не дослушали жалоб паши, быстро повернули коней и заторопились обратно. Ягнус пожал плечами и сказал туркам:

– Уйдемте от мора! Подале от сих мест!

Послы не уступили Касим-паше ни одного турсука с водой, ни одного мешка с фруктами и сыром. Гонцы неслись впереди, а за ними торопилась орда...

Синие горы стали ближе, и вдруг перед изумленными беглецами распахнулась зеленая долина, а в ней пенилась и билась о камни речонка. Все бросились к воде. Припали к живительной струе и невольники. Жадно пил Семен Мальцев. Он запомнил все – и встречу на Белом озере, и побледневшее от вестии лицо литовского посла Ягнуса. Пленник окунул в струю голову, потом истертые ноги, и чувствовал, как жизнь снова вливается в его иссохшее тело. Ободряя себя, он думал: «Теперь добреду, теперь вырвусь из неволи!» Ни на одну минуту его не покидала мысль о свободе.

Не всем, однако, пришлось утолить жажду: из-за реки на резвых конях вымчали черкесы, они рубили турок, на сильных набрасывали арканы и уводили в горы. Касим-паша свернул вправо, и опять орда потащилась по солончаковой степи. Но и тут не было покоя: казачьи ватаги днем и ночью налетали на обессиленных турок. Они встречали врага в засаде, настигали врасплох на отдыхе, беспощадно убивали и забирали в плен.

Подошел октябрь. Внезапно задули холодные пронзительные ветры и стал падать сухой снег. Свершилось редкое в этих краях: под вечер в Диком Поле закурила, завывла метелица. Степные озера и речонки затянулись хрупким тонким льдом, и истомленные толпы – остатки войска Касим-паши – замерзли на холоде, который неведом был на их родине. Вся степь покрылась сверкающей пеленой, на которой быстро возникали, одна за другой, многочисленные темные точки – трупы коней и замерзших ордынцев.

Скоро Азов!

Опять потеплело. Сошли снега, подуло теплым ветром. Глаза Касим-паши оживились, он о чем-то беседовал с юрким ногойцем. К вечеру тот исчез, и никто не знал, что степняк помчался к атаману Бзыге...

На перепутье встретились казачьи ватаги атамана Бзыги и Ермака.

– Отпусти полонян и вернись в Качалинскую! – приказал атаман, блестя злыми глазами.

- Почему так? – еле сдерживаясь от гнева, спросил Ермак.
- Будет тебе ведомо, что поклялись мы азовцам в мире жить! – с важностью вымолвил Бзыга.
- На всю осень и зиму порешили казаки держать покой и за зипунами не ходить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.